

Писатели, живущие в областях

Русская классическая литература оставила нам блестящие описания провинциального городка нашей страны. И Шеллин в «Пошехонской старине», и Глеб Успенский в «Правах Растеряевой улицы», и Куприн в «Поединке», Горький и Чехов в своих многочисленных рассказах и пьесах — показывали тугой быт российских провинциалов, их косность, стеснительность, беспорядочное пьянство, их культурные «развлечения» — карты, дуэль, — словом, все, что так характерно было для существования среднего обывателя городка, был ли он мастеровым или врачом, артистом или офицером. Провинция всегда интересовала писателя, ибо различия между столичным и провинциальным бытом была так вопиюще велика, что об этом нельзя было молчать. Любопытно, что термометр таких произведений часто бывал ярлык: поэт, словом, человек искусства. Он выделялся всем своим поведением, даже внешним видом. Это был мятущийся, страдающий, неудовлетворенный, «непонятый» человек. У него было когда-то какое-то стремление, он о чем-то думал, против чего-то восставал, но все его благородные порывы разбивались о струю действительности, он опускался, и все шло прахом. Литераторы советского времени тоже неоднократно пытались показать жизнь провинции, и было в этом желании нечто положительное. Они хотели привить своему читателю новое отношение к провинции, вытекающее из того неопровержимого факта, что вопиющая пропасть между столичной и провинциальной жизнью уже заслана революцией, что самое понятие «провинция» приобрело другой смысл. Хорошо ли, плохо ли они справились с этой задачей, — вопрос открытый. Но их стремление всегда было естественным.

Одно из крупных завоеваний нашей страны — культурное строительство на периферии. Громадная сеть театров, ставших классическими и лучшие советские пьесы, бесчисленное количество районных, городских и областных газет, кино, пронававшее буквально во все уголки Союза, — все это привлекает миллионы массы населения периферии к той же культуре, которой живут столицы страны.

Интересен в этом смысле тот факт, что во многих городах нашлись актеры для исполнения роли Ленина в таких сложных для постановки пьесах, как «Ленин в 1918 году» и «Человек с ружьем». На периферии идет интенсивная литературная жизнь. Театры ставят пьесы местных авторов, издательства выпускают их романы, повести и сборники стихов, писатели встречаются со своими читателями на фабриках, в студенческих аудиториях, школах и т. д. В Иркутске, например, областной университет выхолотного дня специальное занятие посвятить недавно своей краевой литературе. Совсем нечестно сказать «непонятное», оставившего интеллигентно-художника.

За последние годы в литературу нашей страны вошли новые интересные произведения писателей периферии. Среди них можно назвать исторический роман «Смоленск» Н. Арестова, стихи князя князя Н. Ушакова, рассказы о Шорре воронежского писателя М. Сергеева, пьесу «Кондрат Булавин» воронежского драматурга Задонского, роман «Боязнь Минина» горьковского писателя Костылева, рассказы краснодарца Овечкина, стихи и поэмы новосибирского поэта Мартынова, «Повесть о детстве» ростовчанина М. Штительмана и т. д. Все это говорит о том, как обширна русская советская литература (мы не касаемся здесь всего богатства литературы братских республик), все это лишний раз доказывает, что нельзя оставить себе о ней молчаливое представление, основываясь только на произведениях московских и ленинградских писателей.

Между тем, приходится признать, что связь с писателями периферии и помощь им от президиума Союза до сих пор не поставлена как следует, хотя в этой области проделана немалая работа. Прежде всего нужно отметить такое важное начинание, как курсы-конференции, периодические собрания в Москве и знакомящие их уча-

стиков с культурными ценностями столицы. Полезную работу ведут некоторые областные комиссии Союза писателей. Однако до сих пор президиум Союза ни разу не обсуждал произведений писателей периферии, полагая, повидимому, что достаточно будет, если ими будут заниматься в той или иной областной комиссии. И получилось, что писатель, приехавший в Москву специально для того, чтобы услышать авторитетное, веское слово о своем творчестве, на обсуждении своего произведения редко встречается с крупными мастерами литературы. В то же время многие москвичи не выполняют добровольно взятые ими обязательства помогать писателям периферии, не читают и не рецензируют их произведения. Такой ужесточен можно адресовать гг. В. Шкловскому, И. Сельвинскому, В. Гусеву, К. Наустовскому, Е. Успенвич и многим другим.

Большинство московских литературно-художественных журналов мало интересуется произведениями писателей периферии. А между тем, характерный пример «Красной Новь». Столько журналы помечают очерк Овечкина, — и о нем заговорили все литературная общественность. Ни в одном из журналов не было обстоятельного разбора творчества «периферийного» поэта. Даже такой, условно «периферийный» поэт, как Н. Ушаков, и то не удостоился критической статьи. Вообще с критической работы писателей, живущих в областях, дело обстоит неудовлетворительно.

Дает себя знать незнание еще кое-кого пренебрежительное отношение к «периферийным» писателям, этим «младшим братьям», творчеством которых пока заниматься рано. И если говорить о первоочередной задаче областных комиссий Союза, то она заключается в организации настоящей критики, без «скидок», говорившей полным голосом и действительно помогающей писателю.

Немало еще недостатков и в работе с писателями на местах. В ряде областных организаций до сих пор нет еще подлинно творческой атмосферы, господствует взаимная неприязнь, мелкая зависть к успеху товарища, с одной стороны, и высокомерие областного «мэтра» — с другой. Выявляется и так, что в тех случаях, когда московские литераторы дают суровую оценку произведениям писателей периферии, их критика вызывает множество нареканий. Бритиканский переходит к обороне: от оправдательных упреков, делается, что его вычеркнули из литературы и т. п. И вместо того, чтобы продолжать свою работу, стараться писать хорошие повести или стихи, он приступает к сочинению заявлений в редакции газет или в партийные инстанции. Это происходит от непонимания той простой истины, что никакая суровая критика не сможет вычеркнуть писателя из литературы, если он талантлив. Если же он для литературы человек случайный, то и самые безудержные похвалы не смогут сделать его писателем. Если Белинский говорил, что «истинного и сильного таланта не убьет суровость критики, так как незначительного не подымет ее приют».

Многие товарищи, живущие на периферии, ошибочно полагают, что задача областных комиссий ССП состоит в том, чтобы «продвигать» их произведения. В этом смысле они целиком полагаются на помощь комиссий. В итоге местные писательские организации не добиваются хотя бы того, чтобы планы областных издательства составлялись с учетом творчества местных писателей. Характерный пример: Воронежское областное издательство, о котором пишет в печатаемой сегодня корреспонденции Т. Сергеева, сверстало свой план таким образом, что в него вошли преимущественно книги, изданные уже в Москве и при том столичных авторов. Подобный вид перестраховки, конечно, создает все условия для беззаботной жизни издательства, но вряд ли принесет пользу общему литературному делу.

Союз советских писателей должен уделять гораздо больше внимания работе с писателями периферии. Каждое значительное событие в литературной жизни любого города должно стать достоянием всей писательской общественности. Ибо, поверьте, иной стала периферия, иной стала культурная жизнь множества городов нашей страны.

ПИСАТЕЛИ—XXII ГОДОВЩИНЕ РККА И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

22 февраля в клубе МГУ с большим успехом прошел писательский вечер, посвященный 22-й годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского флота.

После вступительного слова В. Я. Бирютина В. Гусев прочел свои стихи, тепло принятые студенческой аудиторией. Горькими аплодисментами приветствовали читателей А. С. Новикова-Прибоя, ознакомившего их с отрывками из своего романа «Капитан 1-го ранга».

— Когда вы напечатаете ваш новый роман? — спрашивали в занесках читатели.

— Дайте мне закончить его, — отвечал А. С. Новикова-Прибоя. — У меня написана лишь первая часть, а над второй я еще работаю. Печатать же надо обе вместе, а то у нас, у писателей, часто бывает: выйдет первая часть, а второй чит-

атели ждут два, три года, а она так и не появляется.

Стихотворение, посвященное освобождению народа Западной Украины от нашествия гетта, — «Думка о гуцульщине» — прочел С. Кирсанов.

Несколько коротких лирических стихов прочел С. Шпачев. И. Уткин читал стихи из недавно выпущенного сборника «Лирика».

Распространенное мнение о том, что стихи легче слушать, чем прозу, было блестяще опровергнуто на этом вечере В. Каляевым, пропавшим с большим успехом свой рассказ «Под Сморговью», и В. Ивановым, читавшим отрывок из романа «Пархоменко».

Программу завершил Б. Слюнов, прочитавший напечатанное в журнале «Знамя» стихотворение «Квартира со всеми удобствами» и несколько новых стихов из монгольского цикла.

Б. ФАЙНС ПЕРИФЕРИЯ

КОМЕДИЯ, ПОЛУЧИВШАЯ ПЕРВУЮ ПРЕМИЮ НА КОНКУРСЕ ОДНОАКТНЫХ ПЬЕС

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СЕРГЕЙ — редактор газеты.
ЛИЗА — его жена, инженер строительства.
РЕМЕШКОВ — фельдшер, сосед Сергея.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА — жена фельдшера.
СТАРИК — колхозник, опытник.
КАКТУС.

Крыльцо дома, заставленное чемоданами, улетами с разнородным скарбом. На огромном столе восседает Мария Семеновна Ремешкова.

Пришла Лиза.

ЛИЗА. Ну, все, кажется. Как долго ложились на меня везенье. Как долго ложились на меня везенье. Как долго ложились на меня везенье. Как долго ложились на меня везенье.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Что им делается! — придут. Присаживайтесь к радничному — напосидитесь.

ЛИЗА. Некуда, голубчик. Да и мысли у меня в голове, грядущие.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Разве я не понимаю? Уж верно — грядет из нашего города уезжать. Поищите другую такую. Конечно, похожие найдутся. А все не то.

ЛИЗА (рассеянно). Почему... и в других городах не плохо.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Разве я не понимаю? Чай, не глупая. Помню, как вы к нам приехали... Когда это было? Года четыре назад?

ЛИЗА. Пять.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. А я что говорю. Да не шесть ли? И смех и грех. Приехали на две недели, а пробыли пять годов.

ЛИЗА (оживилась). Нет, я должна была пробыть на стройке месяц, но задержалась. А тут прискакал Сергей — встретил.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Помню, не забыла. Он решил вас дожидаться.

ЛИЗА (хохочет). Ну да! Он согласился поработать несколько месяцев в газете.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. И тут вы решили его дожидаться. Чай, вы же жена его, не кто-нибудь.

ЛИЗА. Не могла же я сидеть, стожа руки. А тут срок его работы кончился. Стройка же была в разгаре.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Тут он решил вас дожидаться.

ЛИЗА (снова хохочет). Ну, да. И неожиданно его назначили редактором.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Да только и об этом позже вы узнаете. Теперь уж вы стали его дожидаться. Силой! Силой, и это все мне снится: неужто узнаете? А только пора. Милая моя, пора! Пожалейте надо Сергея Николаевича.

ЛИЗА. Голубчик, у меня с вами очень важная просьба.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Ой, не надо.

ЛИЗА. Что с вами? Неужели вы не видите? Человек просто не рассчитал.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Ты что говоришь? Я полдела Сергея. Но есть же разница. Теперь речь идет о десяти днях. Я так ему и скажу.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Вот вы и скажите. Зачем меня просить?

ЛИЗА. Смешно... Он должен меня поить.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА (зловеще). Уж он похочет. Уж он, доложу я вам, себя покажет. Родная моя, все понимаю, трудно с таким городом расставаться, а только уезжайте.

ЛИЗА. Что это вы заладили: город... наш город... наш чудесный город. Город... наш город... наш чудесный город. Город... наш город... наш чудесный город.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Мужа-то по боку? Или, мол, на все четыре стороны? Езжай, мол, куда хочешь, мне дела нет!

ЛИЗА. Он так мечтал об отъезде. Нет! Еду вместе с ним!

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. А стройку — к бабине? Пусть строят, как хотят, так что ли? Мне о муженьке думать надо, так оно выхолотит?

ЛИЗА. Что же делать?

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. А я о чем спрашиваю?

ЛИЗА (просительно). Вы подготовьте его. Вы это так хорошо делаете.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Готовила. Не забыла еще, как в прошлом году дело было. Кого другого ищите.

ЛИЗА (перешептывая). Разве вашего мужа попорчили? Он так интересуется... всякими вопросами.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Кого? Мою фельдшерку? Такую философию развел... Я уж как-нибудь сама. Осторожно, что ли разговор вести? Психологически...

ЛИЗА (уходя). Вы мягче... Только подготовьте.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Идите, идите. Знаем. Лиза ушла.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА (кричит). Ремешков! Фельдшер!

РЕМЕШКОВ (вышел). Ну что ты все воешь? Ну что ты все кричишь?

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Лиза ехать не может. Еще завод будет строить.

РЕМЕШКОВ. Ну!

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Вот тебе и ну! Сергея Николаевича подготовить нужно. Психологический разговор с ним поведем или какой?

РЕМЕШКОВ. Тут нужно больше на идеологию бить. Конечно, имеет место и психология. Отрывать одно от другого не приходится.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Не приходится отрывать?

РЕМЕШКОВ. Нет, отрывать ни в коем случае не приходится.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Вот как у людей-то — заводы женщины строят. А мою женскую судьбу кто губил? Ты для чего на мне женился?

РЕМЕШКОВ (примирительно). Так ведь это же тридцать лет назад было. Преступления такой давности по уголовному кодексу...

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Ступай, покудова не позову! Стой уж, — видишь — иди! Стой на месте, как будто бы ничего и нет. Стой и не трогайся как ни в чем не бывало.

РЕМЕШКОВ. Стою, ну что ты кричишь? Стою ведь. Вот баба взорная.

Пришел Сергей.

СЕРГЕЙ (весело). Ну, соседи дорогие, уезжайте!

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. И пора, ей-богу, пора.

РЕМЕШКОВ (сошло). Когда приедете в Москву, не придется ли вам побывать на Якиманке?

СЕРГЕЙ. Возможно. А что?

РЕМЕШКОВ. Нет, ничего. Мне было бы приятно знать.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА (Сергею). Выходит, через несколько дней в Москву? Да, через десять дней не велик срок.

СЕРГЕЙ. Позвольте, почему десять? Если ведь четыре дня, вы не знаете, где Лиза?

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. И дура же я. Забыла — десять дней. Какие десять, когда едем четыре, а? Едем четыре, а я твержу — десять. Ну, не смеет это? (Смеется). Обращайте внимания.

СЕРГЕЙ. На что?

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Значения, говорю, не придавайте.

СЕРГЕЙ. Готов. Но чему?

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Будто бы через десять дней. Четыре и есть четыре, а не десять. Вот как я рассуждаю.

СЕРГЕЙ (задумчиво). Очень странный разговор. (Ремешкову). И вот вы как-то очинили, стоите вы как-то очень странно. Почему вы так стоите?

МАРИЯ СЕМЕНОВНА (мужу). Девтайся! Понял? Девтайся, как ни в чем не бывало.

РЕМЕШКОВ. Девтайся — не кричи.

СЕРГЕЙ (настойчиво). Вы не знаете, где Лиза? Всегда с ней что-то случается.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Придет. — где ей быть! Сейчас и придет. (Лукаво). А может, ей не к спеху, а? Ну, ну, я шушу, нечего на меня глаза-то палить.

РЕМЕШКОВ (откашляясь). Скажем, человек задержался.

СЕРГЕЙ (беспокойно). Кто? Лиза?

МАРИЯ СЕМЕНОВНА (на мужа). Ой, болтун, сит моих нет. Разве ты о Лизе говоришь?

РЕМЕШКОВ. Отнюдь. Я так рассуждаю: какой-то человек задержался. Но почему? Вот что важно. Какие мотивы? Может быть, самое благородное значения. И, скажем, у нее есть муж...

СЕРГЕЙ. У кого?

РЕМЕШКОВ. У этой женщины, которая задержалась.

СЕРГЕЙ (Марии Семеновне). Вы что-нибудь поняли?

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Ну, ни крошечки. Ни на вот столечко. И все время! У той женщины вове и мужа нет. Вдова она. В прошлом году овдовела.

СЕРГЕЙ. Позвольте, кто овдовел?

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Ну, эта... приятельница вашей жены.

РЕМЕШКОВ. На мешай! Причем тут вдова, когда нам важно выяснить отношение ее мужа, т. е. его покойного в данном понимании мужа, к случаю, о котором я говорю.

СЕРГЕЙ (вешиво). Все это очень интересно. Но понимаете, поед... Я тороплюсь.

РЕМЕШКОВ. Формулирую вопрос: покойник имел право негодовать, если его жена, хотя и задержалась, но была движима высокими интересами строительства?

СЕРГЕЙ (вешиво отнесся его откровенно). Покойник ни при каких обстоятельствах не может негодовать.

РЕМЕШКОВ (тихо жене). Ты не нажимай! Дай человеку передышку.

МАРИЯ СЕМЕНОВНА (после его ухода). Чулак... Развез какую-то историю.

СЕРГЕЙ (притялительно смотрит на нее). Может быть, он уж и не такой чулак. Лиза с ним не говорила?

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. С ним? Никогда в жизни!

СЕРГЕЙ. С вами?

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Было такое дело.

СЕРГЕЙ. Правое, все принимает забавный оборот. (Все более невнятно). Что же такое она могла вам сообщить?

МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Вот характер у человека, уж почитать нельзя. Смотрите, что с ним делается.

Сегодня в номере:

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Писатели, живущие в областях. Б. ФАЙНС. Периферия. ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ. В бюро секции переводчиков. Памяти В. В. Маяковского. Всеукраинское совещание прозаиков. «Литгазета по радио». В правлении ССП Ленинграда. Вечер Георгия Маркова. Писатели—XXII годовщине РККА и Военно-Морского флота.

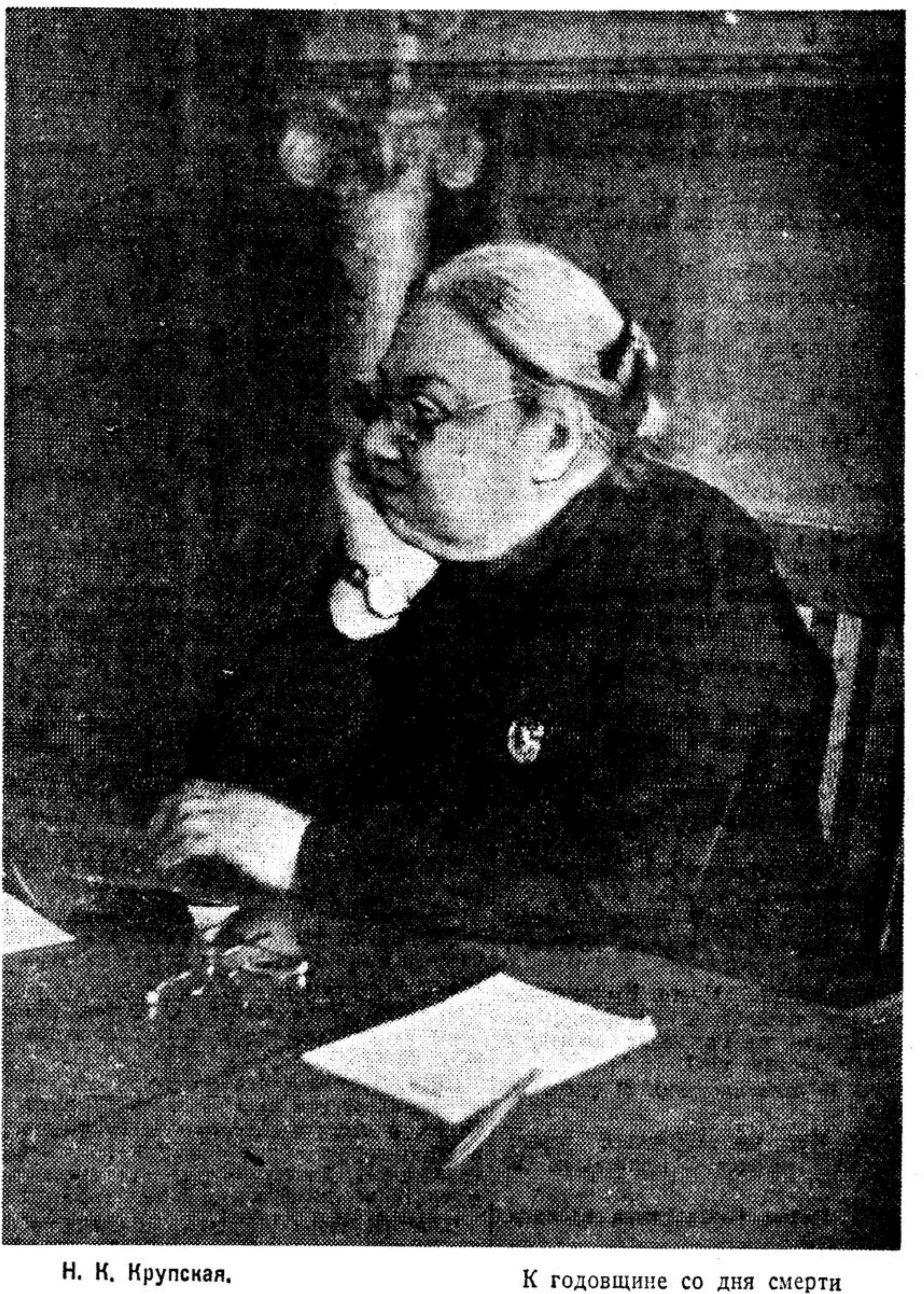
2 стр. Б. ФАЙНС. Периферия (окончание). ОТЧЕТЫ И ВЫБОРЫ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ. В КАЛУЖИ. Непредложное условие. СИРАС ВОСКРАЯНИИ. У коммунистических писателей Армении, И. К. В. Делитание. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДНЕВНИК. «Отправляясь на мечту...»

3 стр. ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ. О РЕЗНИК. В поисках ясности. Е. ГАЙДЫНОВА. Без тумана. А. САХАЛТУЕВ. Против схемы.

4 стр. Фелькс КОН. Памяти Н. К. Крупской. Александр ДРОЗДОВ. Успехи и провалы. М. СЕРГЕЕНКО. План областного издательства. В. НАГЕЛЬ. Альманах воронежских писателей.

5 стр. Т. ПИМЕНОВ. На ложных позициях. И. ХАЛТУРИН. Повесть о природе и человеке. З. ШАРКИ. Башкирский журнал «Октябрь». ИНФОРМАЦИЯ. Биография М. Ф. Ахундова. Новые произведения саратовских писателей.

6 стр. М. ГРОУ. Жертва войны. Е. П. Творческие собрания областных комиссий. ИНФОРМАЦИЯ. Закрытие курсов театральные критиков. Новые работы В. Яхонтова. Переводы классической поэзии Туркмени. Подготовка к юбилею Низами и Навои в Грузии. «Джангар» на русском языке. Новосибирское издательство в 1940 г. Музыкальные комедии о Дальнем Востоке. Литературные декадни в Барнауле. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ. Хроника. Извещения.

Н. К. Крупская. К годовщине со дня смерти

За пять дней

В БЮРО СЕКЦИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

22 февраля состоялось собрание секции переводчиков для выборов нового бюро секции.

После доклада проф. Б. Грифопова о работе секции развинулись оживленные прения. Были высказаны пожелания о разработке в секции теоретических проблем художественного перевода и об организации творческого обсуждения не только стихотворных, но и прозаических переводов.

В состав нового бюро секции тайным голосованием избраны гг. Арго, Б. Гимельфарб, А. Лейб, М. Зенгеря, М. Зельвинович, И. Башкин и Г. Шенгели.

ПАМЯТИ В. В. МАЯКОВСКОГО

Сотрапом Украины образовал республиканский комитет по прозе 10-летия со дня смерти величайшего поэта нашего времени — В. В. Маяковского.

В комитет вошли: М. Бажан (председатель), нарком просвещения УССР Ф. Рецько (заместитель председателя), академики П. Тычина (заместитель председателя), академики А. Бедель и А. Корнейчук, гг. Е. Адашкис, В. Старченко, И. Лисенко, И. Компанец, М. Рыльский, И. Ушаков, И. Феллер, А. Неботов, И. Кологойда, В. Осюра.

ВСЕУКРАИНСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПРОЗАИКОВ

25 марта в Киеве созывается Всеукраинское совещание по вопросам прозы.

Недавно президиум ССП Украины специально обсудил вопрос о подготовке к предстоящему совещанию.

По основному вопросу совещания — «Проблемы современной советской прозы» намечено заслушать три доклада: «Украинская проза» (И. Стебун), «Русская проза» (В. Ермаков), «Проза народов СССР» (К. Зелинский).

Кроме того, решено поставить доклады о современной иностранной прозе, по истории романа и союдамы о русской и еврейской прозе на Украине.

Выступавшие на заседании президиума ССП Украины писатели предложили включить в повестку работы предстоящего совещания такую важную тему, как «Язык и стилистика прозы», а также сообщение о прозаиках западных областей Украины.

Председатель комиссии по подготовке совещания А. Любченко сообщил собравшимся о решении издать на русском и украинском языках большой сборник материалов совещания.

Союз советских писателей Украины решил пригласить на совещание прозаиков гостей — писателей РСФСР, Белоруссии, Грузии, Армении, Узбекистана и других республик.

«ЛИТГАЗЕТА ПО РАДИО»

Президиум Ленинградского отделения ССП принял решение о регулярном выпуске «Литературной газеты по радио» через Ленинградскую городскую радиостанцию.

В газете будут передаваться литературные новости, сведения о выходящих книгах, рецензии обзоры, фельетоны, небольшие рассказы, новеллы и стихи. В редакцию газеты входят гг. Козаков, Азаров, Янковский, Лесючевский и Бакинский.

В ПРАВЛЕНИИ ССП ЛЕНИНГРАДА

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). На последнем заседании правления Ленинградского отделения ССП были заслушаны доклад А. Кутерова — о работе секции прозаиков и В. Розинского — о работе секции поэтов. Оба докладчика назвали большое количество новых произведений, написанных ленинградскими прозаиками и поэтами за прошедший год. Споры нет, среди этих произведений есть целый ряд очень значительных, к примеру — вторая том «Лушники» Ю. Тычина, «Два капитана» В. Каверина, «Рассказы о Ленине» М. Зенонки, новые переводы Н. Тихонова и т. д.

Однако бухгалтерски точное перечисление всех вышедших книг и законченных произведений не смогло, конечно, заменить отчета о работе секции. Романы и стихи автора писались, но как помогало этому союзу, что делало конкретно секция, — об этом докладчики ничего внятного сказать не могли.

Немного обсуждению вышедших книг в секции прозаиков проходили в атмосфере равнодушия. Крупнейшие писатели не принимали никакого участия в работе секции. Связь с московскими писателями отсутствовала. Никакой работы с молодыми писателями не велось. В работе ленинградских журналов секция участия также не принимала.

Все эти недостатки работы секции, отмечавшиеся гг. М. Зенонкой, М. Слюнским, Н. Брыкиным, Г. Гором, не помня, однако, правления призвать работу секции вполне удовлетворительно.

Та же «участие» постигла бы, очевидно, и доклад поэтической секции, если бы не коллективное письмо в президиум Союза группы молодых поэтов. В этом письме около 20 поэтов заявляют, что секция бездействует, что секция не только не могла развешивать творческую дискуссию, но приложила все старания, чтобы этой дискуссии не было, что все вопросы, связанные с поэтической жизнью города, решаются секцией без участия общественности.

Наличие таких серьезных обвинений побудило правление ЛОССП перенести обсуждение доклада секции поэтов на президиум Союза с привлечением широкого актива поэтов.

А. Д. ВЕЧЕР ГЕОРГИЯ МАРКОВА

ИРКУТСК. (От наш. корр.). Массовые литературные вечера становятся традицией в жизни города.

Последний общегородской литературный вечер был посвящен творчеству иркутского прозаика Георгия Маркова. Пять лет работал молодой писатель Марков над своим первым романом «Строгов». В декабре прошлого года роман вышел в областном издательстве.

«Строгов» — роман социально-исторический Герон его: Матвей и Анна Строгови, дед Фиска, Антон Топышкин и др. — представители сибирского таежного крестьянства конца XIX и начала XX столетия. Они проходят в романе сложный путь от стихийного недовольства к сознательной революционной борьбе, к активному социальному протесту.

После вступительного слова доцента Иркутского педагогического института А. А. Шурыгина артисты Покорский, Демарко и режиссер областного драматического театра Боганов прочли главы из первой книги романа «Строгов».

Затем Георгий Марков прочел 1-ю главу из второй книги «Строгов».

А. ГАЙДА

ПЕРИФЕРИЯ

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 1 СТР.

Вошел Кактус.
КАКТУС. Моя фамилия Кактус.
СЕРГЕЙ (Мария Семеновна). Вы только шутили?
КАКТУС. Нет, вполне серьезно: Кактус. Иные путают и проносят Как-то-с. А потом забудут и называют меня: Вот как-с.
СЕРГЕЙ. Что вам нужно? Я занят, Уезжаю. Уезжаю.
КАКТУС. Минутное дело. Не вадержу. СЕРГЕЙ (устало). Ну, хорошо. Только быстрее. (Мария Семеновна уходит).
КАКТУС. У меня растут дети.
СЕРГЕЙ. Допускаю.
КАКТУС. Двадцать ребятишек.
СЕРГЕЙ. Так много? Ну! Я опоедал на поезд.
КАКТУС. Я действительно, не плохо дело поставил. Мне нужна еще одна женщина.
СЕРГЕЙ (шокирован). В этом газета вряд ли сможет вам помочь.
КАКТУС. Плоская шутка. Хорошая женщина, вводящая музыку и любящая детей. (Тянет за себя). У меня есть еще пять ребятишек. Будущие Овотрахи, Охителюны.
СЕРГЕЙ (со стоном). Поезд.. У меня поезд.
КАКТУС. Поддержите мое начинание и я уйду.
СЕРГЕЙ. Что? Кого? Кому? О ком? О чем вы говорите?
КАКТУС. О проекте расширения музыкального техникума. Разве я этого еще не сказал?
СЕРГЕЙ. И не думали. (Смотрит на часы).
КАКТУС. Дайте мне еще одну женщину, новое помещение и я уйду.
СЕРГЕЙ. Где? Где я возьму помещение? Я опоедал на поезд.
КАКТУС. Превосходно! Помещение и уже нашел.
СЕРГЕЙ (заинтересованно). Серьезно? Где вы ухитрились найти?
КАКТУС. Чужа секрет. Нужны деньги на ремонт. Чепуховые расходы. Двадцать тысяч рублей.
СЕРГЕЙ (деловито). Много. Вы несколько перегнули, создатель. Пошурю, десяти, двадцать тысяч, дадут десять, а нужно всего восемь, так?
КАКТУС (о достоянии). Я работник искусства.
СЕРГЕЙ. Ну, ну, сердитесь нечего. Итак, старое помещение решительно не годится?
КАКТУС. Рядом расположена кузница, вы понимаете?
СЕРГЕЙ. Безобразно!
КАКТУС. Нежные звуки скрипки и — гром железа.
СЕРГЕЙ. Так дела оставить нельзя!
КАКТУС. Разве эти условия для моих детей? Да, поймайте, ухватите.
СЕРГЕЙ. Охотно. Значит, будущие Овотрахи?
КАКТУС. Если не Чайковский.
СЕРГЕЙ. Ничего, отремонтируем. (Ищет шапку.) Позвольте, и вадь уезжаю. Поезд!
КАКТУС. И что же? Завтра тоже будет поезд.
СЕРГЕЙ. Я уже не работник редакции.
КАКТУС. Врунда! Двадцать чудесных ребятишек. Рубинштейны!
СЕРГЕЙ. Я всегда ненавидел музыку.
КАКТУС. Чепуха! Не бойтесь!
СЕРГЕЙ. Послушайте, сумасшедший человек, я никогда не пойду.
КАКТУС. Окончательно?
СЕРГЕЙ. До свидания. (Кричит.) Мария Семеновна!
КАКТУС. Вы уезжаете!
СЕРГЕЙ. Один-то раз в пять лет и имею право быть им. (Кактусу.) Вы еще не ушли? Прощайте!
КАКТУС. Вы равнодушны к искусству.
СЕРГЕЙ. Правильно! Оглох, ослеп, онемел, ничего не слышу, не вижу, не различаю. Я хочу уехать. Довольно периферии! Я только писатель. Я думаю о клятве. Я беспокоюсь, чтобы у меня не утратилась музыка. Меня интересует музыка колоде. Колоратурное сопрано светлая колоратура. Вас паровозного гудка. И никакая яная музыка. Теперь вам все ясно? (Кактус ушел).
Пришла Мария Семеновна.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Завтра? Ну что вам? Некогда мне тут лясать точать.
СЕРГЕЙ. Ну-с, дражайшая Мария Семеновна! Лиза видела?
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Ну, видела. Прямой вопрос какой-то.
СЕРГЕЙ. Ага, значит видела? Разговаривали?
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Совсем мы и не разговаривали. Я даже не видела ее. И говорили-то о пустяках. Кажется-нибудь пять минут.
СЕРГЕЙ. В прошлом году пять минут было достаточно, чтобы мы встали здесь еще на двенадцать месяцев.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Десять дней — не двенадцать месяцев.
СЕРГЕЙ. Опять какие-то десять дней! Ах, Лиза, Лиза...
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Поезд! Лиза, Лиза. Небось уж в голове всякие мысли, и под сердцем закололо, и в глазах темнело. Я врать не стану: видела я Лизу.
СЕРГЕЙ. Ну, вот. Полагали! Вы разговаривали с ней! О десяти днях!
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. На отрицал. Да только о каких днях?
СЕРГЕЙ. Тех, что меня вадержут.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Совсем о других.
СЕРГЕЙ. Каких же?
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Тех, да же тех.
СЕРГЕЙ. Я требую ответа!
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Где же, опять в вам пришла. Уехать человеку не ладно. Подождал старик-колхозник. В руках сундук.
СТАРИК (Сергей). Вы есть партийный редактор?
СЕРГЕЙ (яростно). Я пассажир. Поезд номер шесть, вагон пятый, верхняя полка. Сундук! Зачем о каких сундуках?
СТАРИК. Можете, я из-за этого сундука приехал. Эта — машина вам будет?
СЕРГЕЙ (с отчаянием). Родная сестра... только самого дядьку. Таких женщин нужно судить общественным судом.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Ладно, ладно, будет! Не за что меня судить.
СЕРГЕЙ. Таких женщин... таких женщин... (Задыхается).
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Поезд! женщины, женщины... А что болтает, и сам не ведет.

СЕРГЕЙ. Что говорила Лиза? Правду! Правду! Вайте в лод! Наполна!
РЕМЕШКОВ (в окне. Отчаянно кричит). Стой! Баба! Я сам! (Выбежал на крыльцо). Баба, я сам скажу. (Звон постома). Марья Семеновна! Дай перешушу человеку. Сидела... (Сергей). Был разговор. При мне у них разговор был.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. При нем, это верно.
СЕРГЕЙ (напряженно). Я слушаю.
РЕМЕШКОВ. Уж я лучше признаюсь: солгал я вам — была вдова, Леший чти ли меня под руку толкнул! Ну, с какой стати я вдову стал отрицать?
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Уж ты вечно.. Тебе только бы отрицать.
РЕМЕШКОВ. И эта самая вдова должна была уехать. Прямо целая история. Оказывается, не может она уехать, должна на десять дней задержаться.
СЕРГЕЙ. Вот оно что... Следовательно, вы об этой женщине говорили?
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. А я о чем вам целый час толкую?
РЕМЕШКОВ. Именно. Муж и вещи все собрал, а она вот вам: вадерживаюсь.
СЕРГЕЙ. Муж? Ее муж собрал вещи? Муж вдовы?
РЕМЕШКОВ. А чей же?
СЕРГЕЙ. Покойный муж этой женщины?
РЕМЕШКОВ. Тьфу ты, что за дьявол! Вель верно. Выходит, что покойный, Как же так? Сам я его вчера видел.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА (поисленно). Да ты кто видел-то?... Ты ее второго мужа видел. Понял? Второго. (Сергей) Как толкую, она через год за второго вышла.
СЕРГЕЙ. Что нам за дело по ней? Прямо горе о плеч. Вдова или не вдова, слет она или не едет, по мы-то с Лизой едем. (Вопомнил о старике.) Пожалуйста, товарищ, я слушаю. Вы вель недолого, правда? (Ремешков и Мария Семеновна ушли.) Дьявол, а не женщина. Всего замутила...
СТАРИК. Известно — баба.. Ночевать у вас можно будет? Как-нибудь потеснимся до утра. (Развываясь свой сундук).
СЕРГЕЙ (в ужасе). До утра? Вы собираетесь разговаривать со мной до утра. Вы серьезно?
СТАРИК. Дело, говорю, серьезное. Отвечай на сундука пучки растений и толстую книгу!
СЕРГЕЙ (беспокойно следит за его движениями). Я вам еще не говорил? Видите ли, я через час уезжаю. И понимаю, целая история была с женой. (С новой надеждой.) Хотите — мы на станция встретимся? Право, на станция лучше бы.
СТАРИК (торжественно). Скажи мне, партийный редактор, кто из них прав? Вот эта книга или эти вот пучки?
СЕРГЕЙ (гупо). Кто из них прав? Так вы не хотите на станция? Кто прав — книга или эти растения? Разве они спорят друг о другом?
СТАРИК. Для чего растения спорить. Это книга спорит, хай ей бес.
СЕРГЕЙ (машинально вынул книгу). Я, кажется, еще не говорил вам. У меня очень хорошая жена. Я бы вас о ней познакомил... на станция. Не хотите? Прекрасно! В одну минуту выясним ваше дело, вы возьмете свой сундук и уйдете, — договорились? Итак, — книга. (Читает ее вслух). «Против вредного экспериментарства». Васильев Л. М.
СТАРИК. А что она пишет — эта Ля-Мя?
СЕРГЕЙ. Да? Что же она пишет? Врунда, сейчас мы все выясним, вы возьмете свой сундук, я даже вас провожу до угла. Я вижу — вы толковый человек и сумеете уложиться в две-три минуты.
СТАРИК (тайственно). Поди-ка сюда, редактор. (Оба нагнулись над сундуком.) Люцерна? Да?
СЕРГЕЙ. Да. Это люцерна.
СТАРИК. Простого года саяли. Хороша, а?
СЕРГЕЙ (внимательно разглядывает). Очень, насколько я понимаю.
СТАРИК. А степи у нас сухие, так? Теперь слушай. (Находит нужную страничку книги.) «В условиях сухих степей люцерна пойти не может, тем более на семейных. Видали? Не может. Как же быть? А у нас пошла. Вы-богу пошла! Кто же прав?»
СЕРГЕЙ (невольно рассмеялся). Люцерна трава. Клянусь! Но, дорогой мой, короче, вы же обещали. У меня поезд.
СТАРИК. Секрет в том — знаете? В ранние как? осенью и весной саяли. А у нас дождика являлся — летом саяли, в июле, да по чистым парам. Вот оно и получилось.
СЕРГЕЙ. Одну секундочку... (Кричит.) Мария Семеновна! Лиза еще не пришла? (Вернулся к старику, оживленно.) А знаете ли вы, что ваша люцерна своеобразное чудо, а? Нет, вы этого не знаете.
СТАРИК. Завем, не бойсь. Дальше гляди. (Опустился на колени, рося в сундук. Сергей, захваченный его жаром, тоже стал на колени, прильнул к сундуку.) Не шпенца, по-моему? Обманя, прошлого года. Хороша?
СЕРГЕЙ. Чудесная! Я такой и не видывал. Давай, старик, все показывай, тащи из сундука.
СТАРИК. На чистых парах вошла. Те-

перь слушаю! (Нашет место в книге.) «Чистые пары в условиях наших степей непригодны. Понятно? Не-при-годны. Кто же прав? Ля-Мя или эта шпенца?»
СЕРГЕЙ. Чорт побери, права шпенца. (В волнении ходит.) Да понимаете ли вы, какое значение имеет для нашего района проведенные вами опыты? Да, нет, ни чорта вы не понимаете.
СТАРИК. Понимаем, не бойсь.
СЕРГЕЙ. Что вы мне толкуете! Нет, я прошу вас серьезно вдуматься.. Это же революция в сельском хозяйстве района. Какое там! Разве только о нашем районе речь?
СТАРИК (снова ухватывает сундук). Вот они какие книжки бывают.
СЕРГЕЙ. Писат какой-то очень бойкий человек.. Есть еще такие.. Все им непригодно, только трусость хороша. (Остановился перед стариком.) Ну-с, форма непереносим! Это, что же бунт, против науки?
СТАРИК (присел на нижнее ступеньке крыльца). Такой, как жерить, сам по-суду.
СЕРГЕЙ (присел к нему). Ученому-то переучиваться придется, а?
СТАРИК (степенно). Такое наше время.
СЕРГЕЙ. Хорошее?
СТАРИК. Сталинское. (Смотрит друг на друга, смеются).
СЕРГЕЙ. Ты мне, старик, нравишься.
СТАРИК. Этот ученый — такой, что ли? (Важно прошелся перед крыльцом, выставив живот и надуть щеки.)
СЕРГЕЙ (хохочет). Что? Нет, нет, суть в другом, пожалуй. (Пошел по двору, близоруко прищурив глаза, наткнулся на доску, на стене дома).
СТАРИК. Глаз научный, а до чего уж скучный. Посмотри тонким — взглядом, увидишь толстым задом. Крикнет тонким голосом, да голос тоньше волоса.
СЕРГЕЙ (хохочет). Тоньше! Тоньше! Есть еще такие, — видел!
СТАРИК. Движения все — что белки в колесе. Пыжитесь, тужитесь, а только кружится. В шкуру человеческой, да смеется овечья. Пошел бы вперед, да страх берет.
СЕРГЕЙ. Бери, старик, свой сундук. Едем!
СТАРИК. На станция?
СЕРГЕЙ. На какую станция? В городской комитет партии.
СТАРИК. Что же.. Можно и в городской.
СЕРГЕЙ. Расскажите там о ваших делах. Постой, ты что сказал — станция? Чорт возьми, ты вель прав. (Кричит.) Мария Семеновна! Соседа! Соседа!
СТАРИК (осторожно). Конечно, можно и в городской. (Поднял сундук.) А партия там ничего? Толковыя? Разберутся?
СЕРГЕЙ. Как не поверить такой шпенце? Ступай, догони тебя. (От ушел. Сергей — Марья Семеновна.) У меня к вам просьба. Удивительная история! Совершенно неожиданная. (Нашет записку.) Передать Лизе. Я очень виноват перед ней.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Чего там.. Какая ваша вина. (Взяла записку).
СЕРГЕЙ. Нет, нет, очень виноват. Я даже не рад, что все оказалось недоразумением — эти разговоры о десяти днях.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА (вся сияет). Верно? Вот за это спасибо. Так ей и передай.
СЕРГЕЙ. Никто ведь не мог этого предполагать, не правда ли?
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Еще бы!
СЕРГЕЙ. Мне и в голову не приходило, что так сложится дело.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. О чем разговор! Намому бы и в голову это не пришло.
СЕРГЕЙ. Думаешь одно, а выходит по-другому.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Так оно всегда и бывает.
СЕРГЕЙ. Лиза не очень расстроится?
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Малость есть. Все-таки расстраивалась.
СЕРГЕЙ. То есть, как это «расстраивалась»? Она ведь еще не знает.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Эва! Ей вчера сказали.
СЕРГЕЙ. Позвольте, как это вчера? (Все с большим удивлением.) Она еще вчера знала, что я не смогу уехать?
МАРИЯ СЕМЕНОВНА (остобелела). Кто не сможет уехать?
СЕРГЕЙ. Как кто? Я!
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Вы?
СЕРГЕЙ. А кто же? Вы эту записку не сразу Лизе отдавайте. Сначала подготовь.
МАРИЯ СЕМЕНОВНА (Все еще в состоянии столбняка). Лиза?
СЕРГЕЙ. Кого же еще? Она должна меня позвать. Если бы она видела эту шпенцу...
МАРИЯ СЕМЕНОВНА (охом). Шпенцу? ГОЛОС СТАРИКА. Эй, редактор!
СЕРГЕЙ. Иду, старик! (Убегает).
МАРИЯ СЕМЕНОВНА. Ой, батюшки, я слышу. Я палаю. (Опомнившись, ринулась вперед за Сергеем.) Эй, сосед! Толком-то расскажите... (Рупом приложила ладони ко рту, кричит.) Вы говорите — шпенца? Какой-нибудь новый сорт? Э, не слышит. Всегда вот так. Чорт горел! Уж верно, что периферия...
Конец

Во Львов (УССР) состоялось предвыборное собрание профессорско-преподавательского состава и учащихся государственного университета имени И. Франко и учителей школ Сталинского и Красноармейского районов города. Собрание выдвинуло кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР профессора университета, академика К. И. Студинского. На сцене: предвыборное собрание. С предложением о выдвижении кандидатуры т. Студинского выступает профессор В. И. Симова. Фотохлеще ТАСС.

Отчеты и выборы партийных органов

У коммунистов-писателей Армении

Одним из самых важных вопросов, занимающих парторганизацию союза писателей Армении в последний период, был вопрос правильного использования культурного наследия прошлого. Дело доходило до того, что чуть ли не все крупнейшие деятели литературы прошлого были объявлены непримлемыми для нашего поколения. Если же находились счастливые писатели, которым давалась положительная оценка, то это делалось с бесконечными оговорками.

С помощью ЦК КП(б) Армении парторганизация писателей сумела правильно подойти к использованию культурного наследия прошлого. Блестящим доказательством этого явилось празднование тысячелетия бессмертного эпоса армянского народа «Давид Саусупский», то, что теперь издаются и изучаются произведения Муравана, Абовяна, Раффи, Агатяна и других классиков.

Выступающие в прениях товарищи подчеркнули, что в парторганизации и союзе писателей в основном изжиты групповщина, склоны, тормозящие творческую работу писателей. В союзе создана нормальная атмосфера для творческой деятельности. Результатом является тот факт, что большинство писателей сейчас работает над новыми произведениями. Положительно сбалансирована за отчетный период реорганизация союза — создание президиума, что значительно демократизировало руководство.

Участники прений т. Наира Зарьян, Абов, Рачья Григорян, Кочар, Борьян, Рубен Зарьян и другие подвергли серьезной критике слабую работу парторганизации в области повышения идейно-политического уровня коммунистов. Справедливо было отмечено, что парторганизация мало провела собраний с участием беспартийных писателей, мало интересовалась работой критиков, не обсуждала новых произведений.

Признав деятельность первичной организации удовлетворительной, собрание предложило усилить массовую работу, помочь молодым писателям и обратить особое внимание на усиление оборонной работы, состояние которой собрание подвергло серьезной критике.

СИРАС ВОСКАНЯН.

НЕПРЕЛОЖНОЕ УСЛОВИЕ

Каждый из ораторов, поднявшись на трибуну, начинал свою речь с того, что волновало всех присутствующих в зале: о роли партийной организации в литературной жизни, об их родном и кровном деле — советской литературе.

Это и естественно. Писательская парторганизация — не совсем обычная. В ней объединены почти все коммунисты-писатели Москвы. В парторганизации 152 члена и кандидата партии. Из них 122 человека занимаются только литературным трудом: поэты, прозаики, критики, литературоведы и т. д. Многие из них хорошо известны всей нашей стране, на созданных ими художественных произведениях воспитываются миллионы читателей.

Партийная организация провела за отчетный период большую работу среди беспартийных писателей. Она выросла за последний год на 20 человек, из них 16 — писатели.

По отчетному докладу о работе партийного бюро выступило 22 товарища. И сам докладчик, член партбюро А. Жаров, и большинство из ораторов правильно отметили, что работа каждой партийной организации оценивается по тому, как она выполняет решения XVIII съезда партии. Известно, что главным, самым основным является вопрос о коммунистическом воспитании, об идейно-политическом уровне наших кадров, а для коммуниста-писателя, как и для всякого литератора, — вопрос об идейном направлении в его творчестве. Все это очень связано между собой. Докладчик совершенно уместно привел слова товарища А. А. Жданова, сказанные на I-м всесоюзном съезде писателей: «Неустанный работа над собой и над своим идейным вооружением в духе социализма является тем непререкаемым условием, без которого советские литераторы не могут переделывать сознание своих читателей и тем самым быть иже-нерами человеческого духа».

Партийное бюро много сделало для того, чтобы помочь коммунистам-писателям обогатить это непререкаемое и непреложное условие, — вооружить себя большевиком. Наложена пропагандистская работа, организованы лекции, консультации в помощь изучению «Краткий курс истории ВКП(б)». Эта работа для каждого писателя стала в подлинном смысле настоятельной. Но это лишь одна сторона дела. Другая сторона его заключена в том, какое это отражение находит в творчестве писателя, каким должно быть отношение коммуниста-писателя к многим явлениям литературной действительности, как осуществляется идейное руководство литературой, насколько во-время подмечаются происходящие в литературе идеологические процессы.

Вокруг этих вопросов и шли главным образом прения и споры на отчетно-выборном партийном собрании. С этих позиций многие коммунисты рассматривали и критиковали работу партбюро и руководства президиума союза писателей.

Об одном из самых существенных недостатков работы партийного бюро и президиума союза писателей, — о слабом внимании к идейно-творческим вопросам говорили тт. Лагин, Розенталь, Никулин, Алтаузен, Фрон, Чарный, Лифини, Кириллов, Ф. Левин, Успенский, Черчер и другие. Вот некоторые из сделанных ими упрёков партбюро:

Лагин. Я не помню ни одного случая, чтобы за последний год партийное собрание обсуждало какой-либо литературный вопрос. Докладчик упомянул, что решение ЦК ВКП(б) о некоторых литературно-художественных журналах обсуждалось на совместном заседании президиума и партбюро. Но это должно было стать предметом обсуждения всех коммунистов-писателей.

Алтаузен. В нашей парторганизации состоит много лучших писателей-коммунистов, в том числе и члены президиума. Творчество писателя-коммуниста и писателя-непартийного большевиков не было той базой, той основой, на которой выстрадала идейно-политическая работа в нашей парторганизации.

Кириллов. Мы не обсуждали ни одного доклада по вопросам литературы. Вот сейчас разрабатывается литературная дискуссия. Разве не интересно обсудить некоторые вопросы в связи с дискуссией на партийном собрании?

Чарный. На одном из собраний мы приняли решение заслушать доклад о литературе. Почему же партбюро этого не осуществило? Мы не обсуждали в парторганизации такого важного документа, как решение ЦК ВКП(б) об ошибках некоторых литературно-художественных журналов. Разве это не наше кровное дело?

Наиболее подробно эту же мысль развивал в своем выступлении т. Розенталь. Он считает, что решение ЦК партии ситуационно-о нежелательности в литературно-художественных журналах, об идеологических извращениях, о необходимости

решительного поворота к идейно-творческим вопросам, о необходимости борьбы с проявлениями «карпышевщины» в литературных произведениях. Однако ни президиум союза писателей, ни партийная организация не сделали всех выводов из решения, не сделали его основным пунктом в своей дальнейшей деятельности.

Важный вопрос затронул в своем выступлении т. Ф. Левин. Он считает, что парторганизация должна заинтересоваться вопросами состояния критики, обращает внимание на такие факты:

— Критика не привлекается в достаточной мере для воздействия на литературный процесс. В президиуме ССП, редколлегиях журналов критика отсутствует.

Голос с места. И в критических отделах критика отсутствует.

Левин. Больше того, в толстых журналах критических отделов нет. Нельзя назвать критическим отделом появление малых критических рецензий или статей в юбилейных выпусках. В критических отделах нет статей публицистических, собственно критических, а между тем известно еще со времен Белинского, что критика дает журналу лицо, определяет его вкус, его взгляды, его требования к литературе...

Обстоятельство, что наша парторганизация не привлекала внимания к вопросам критики и кадрам коммунистов-критиков, требует, чтобы новое партбюро занялось этим в будущем.

Очень много говорилось на партийном собрании о взаимоотношениях партбюро с руководством президиума союза советских писателей, о необходимости контакта в работе, о помощи со стороны партийной организации президиуму в дальнейшей перестройке его работы, о недостатках идейного и организационного руководства союза и мерах к их устранению.

— Во взаимоотношениях партбюро с президиумом союза не было нужного делового сотрудничества, — говорит в своем выступлении т. Зайцев. — Он называет затем несколько мероприятий, в осуществлении которых приняло участие партбюро. Это — перестройка национальных комиссий союза, помощь в создании работоспособной оборонной комиссии, работа втроемской секции, обсуждение на совместном заседании президиума и партбюро вопроса о литературно-художественных журналах. Вот и все.

— К сожалению, — продолжает т. Зайцев, — руководители союза не всегда опирались на нашу партийную организацию в осуществлении своих мероприятий, а мы ничего не сделали, чтобы такую силу, как партийная организация, привести в движение, поставить перед президиумом союза ряд вопросов.

О неответственных на обсуждение вопросов говорили и другие товарищи. Их высказывания и требования сводились к тому, чтобы в первую очередь усилить идейно-политическую работу союза писателей в свете решений XVIII съезда партии и задач коммунистического воспитания. Помочь президиуму союза добиться большей коллективности в работе, привлечь к руководству литературной жизнью более значительное число писателей, особенно членов президиума и правления, сделать более работоспособными. Чаще интересоваться продукцией каждого писателя, обсуждать и критически разбирать его творчество. Более тщательно и серьезно подходить при приеме в союз.

Наконец, постановка президиумом на партийных собраниях идейно-творческих вопросов, чтобы привлечь в первую голову московскую писательскую парторганизацию для осуществления ряда мероприятий союза.

Есть, видимо, необходимость созвать в этом году деловой, рабочий пленум правления союза писателей для обсуждения ряда назрелых вопросов современной литературы.

Партийное собрание длилось три дня. Два из них горячо и по-деловому, под знаком развернутой самкритики, обсуждали коммунисты-писатели работу своей парторганизации, вопросы советской социалистической литературы. Со дня последнего выборов она выросла и укрепилась, в парторганизации создана хорошая атмосфера для успешной работы и дальнейшего роста.

В принятой резолюции работа партийного бюро признана удовлетворительной. Намечен ряд мероприятий, новому партбюро поручено наладить деловую связь с президиумом союза писателей, заслушать в ближайшее время на партсобрании доклад об итогах литературного года и т. д.

Тайным голосованием избрано новое партийное бюро в составе тт. Глазкова, Фадеева, Розенталя, Шилачева, Жарова, Крона, Осельки, Хвалобойной, Хмары, Алтаузена, Вадметьевой. Секретарем партбюро избрана т. Хвалобойна О. А.

И. И.

В. КАПУЛИ

Литературный дневник

«ОПИРАЯСЬ НА МЕЧТЫ...»

Недавно с ежедневной почтой «Литературной газеты» прибыла статья, подписанная педагогом Беликовым. Это был вежливый и похвальный обзор оборотной позиции, полный трескучих фраз.

Редакция в обычном порядке ответила автору, что статья его не может быть использована. Мы объяснили ему, что при знаком статьи, как литературного произведения, должны быть, между прочим, мысли, сколько-нибудь свежие и ясные. Мы раз'яснили также и то, что известная доля литературного вкуса обязательна для человека, пишущего о поэзии, и поэтому не следует избегать таких мрачных словосочетаний, как эти:

«Опираясь на свои мечты... Маяковский рисовал в заключительной части своей поэмы иллюцистическую картину утопического равенства и справедливости».

«Еще большее значение сыграли... его неподдельные по своей бодрости и чванливому ритму физкультурные марши и стихи».

«Этот процесс на протяжении ряда лет развития советского стиха отомлился в своеобразную романтическую форму».

«Широкое появление советской оборонной песни предшествовало...»

«Эта славная работа советских поэтов еще более широко продолжается и ныне...»

Мы вежливо раз'яснили «педагогу Беликову», что по меньшей мере странно утверждать, что «была большая символика (?)» в факте написания Маяковским стихотворения «Денный марш» специально для моряков бывшего гвардейского экипажа...

И на этом, мы думаем, окончились наши заботы о статье. Но только вчера прибыло в редакцию следующее письмо: «Дорогая редакция! Я прошу извинить меня за шутку, быть может, не очень справедливо поругала, принадеждит вовсе не мне, и уж, конечно, не «педагогу Беликову», который, следовательно, был вам не известен, — есть только чеховский персонаж. Статья эта напечатана в газете «Вечерняя Москва» 20 февраля и принадеждит, как видите, проу известного вам литературного критика Ан. Тарасенкова. Я же — только читатель, возмущившийся всем тем, что возмущало и вас».

Да, шутка не очень корыстна!.. Но Ан. Тарасенков — оп-то, ведь, не шутит!..

БЕЗ ТУМАНА

ПРОТИВ СХЕМЫ

Е. ГАЛПЕРИНА

А. САХАЛТУЕВ

Сторонники Лифшица придерживаются... М. Лифшиц изложил свою концепцию истории идеологии...

Черткнуть слабость Стендаля. Опять художник передовых идей фактически обречен на беспочвенность...

Давно пора нашему марксистско-ленинскому литературоведению выработать конкретные критерии...

Можно ли установить такую пропорциональность между прогрессивными элементами мировоззрения Гоголя и его «Вечера»...

В этом отношении правильнее, чем В. Гриб, высказывался один из его единомышленников...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

В статье «В чем сущность спора?» М. Лифшиц изложил свою концепцию истории идеологии...

Обычно, критикуя «стечення», рассматривают это явление по двум основным направлениям...

Вторая нечеткость в статье В. Кирпотина: он пишет: «то же самое можно повторить»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

О. РЕЗНИК

В ПОИСКАХ ЯСНОСТИ

М. Лифшиц решил помочь читателю «Литературной газеты», который, по его мнению, «находится в трудном положении»...

Ленин пишет: «Противоречия в произведениях (подчеркнуто нами. — О. Р.), взглядах, учениях, в школе Толстого»...

Такой образ речи идет о едином характере противоречий Толстого в деятельности его и как художника и как пророка.

Если хотите, тут не вопреки реакционным чертам и не благодаря сильным сторонам, а в соответствии с основными противоречиями во взглядах Толстого...

Основы теоретической позиции Лифшица, Усевича и др. строятся вопреки марксистско-ленинизму и никакой левая фраза не спасет их от этого вывода.

Сущность спора вовсе не в том, веред ли каждый абзац в выписке Кирпотина (Усевич) и есть ли сходство отдельных положений у него и Лукача (Лифшиц).

Название статьи, очевидно, ироническое, но не в этом дело.

Эти цитаты опровергают предположение, что речь идет о едином литературном явлении, и приобретают характер общего закона.

Вопрос о характере мировоззрения писателя, о его сильных и слабых сторонах, о прогрессивности его должен решаться исторически.

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Трудно себе представить более нетоптуемое запутывание существа дела под видом разяснений.

И сие выдвигается за марксизм, усиленно огуляется ленинскими цитатами, но при этом Лукач искажает существо вскрытых Лениным противоречий творчества Толстого.

Вопрос о характере мировоззрения писателя, о его сильных и слабых сторонах, о прогрессивности его должен решаться исторически.

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Три десятка имен, десятков цитат и эпохи — от Гомера до Толстого. Неужели все это для ясности?

В действительности вся «эпикопоэтическая армия» Лифшица призвана играть роль языковой завесы.

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Лифшиц, Лукач, Усевич и другие сторонники их намерению вносят путаницу, во духу меняя предмет спора.

Эти утверждения тов. Усевича оказывают весьма плохую услугу «стечению». Они ставят вопрос на голову.

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Теперь Лифшиц и Усевич с трогательным едиповым отчаянием упрям в отрицании или значения прогрессивного мировоззрения для художественного творчества.

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Я давно отпадал от истины, восклицает Лифшиц, что «все великое в искусстве имеет своим основанием объективную правду, народность, прогрессивное мировоззрение».

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Однако нетрудно заметить, что формулировка сей истины Лифшицем в последней редакции резко противоречит тому, что мы читаем в книге Лукача.

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Вспомним, что писал А. М. Горький о народности, Пушкине и «Озерной школе»...

Памяти Н. К. Крупской

Прошел год с того времени, когда в шестидесятилетие приветственные голоса по поводу семидесятилетия Надежды Константиновны возмужала весть о ее смерти. Мысль помиралась с тем, что она, еще накануне с участием говорившая о предстоящем XVIII съезде, умоляла надеяться: что уже никогда не придется услышать ее простых, но глубоко продуманных речей. Миллионы оплакивали ее смерть, смерть вернейшего спутника Ленина, смерть человека, который с ранней юности до конца своих дней с самоотвержением боролся за свободу трудящихся, смерть прелестнейшего члена великой партии Ленина — Сталина, отдавшего все силы на службу партии.

Эта глубокая скорбь масс была заслуженной данью их любви и уважения к этой незабываемой большевичке.

Когда Надежда Константиновна было всего 18 лет, она долго мучилась вопросом, как бороться против той болотной тины реакции, которая в восьмидесяти годах засасывала общество и часть молодежи. Ответ на мучившие ее вопросы она нашла у Маркса. Не как книжника она пошла к Марксу, а как человек, который уже в юности искал ответа на то, что ему не давало покоя, и, наконец, нашел этот ответ, указывающий верный путь. Знакомство с Владимиром Ильичем и первые шаги Ильича на пути волевого и широкого масс в течение окончательного утверждения Н. К. Крупскую на революционном пути. А когда Ленина арестовали, она уже самостоятельно проявила себя, как талантливый и беззаветно преданный делу революции человек. Организаторская Надежда Константиновна знаменитая всеобщая стачка текстильных рабочих в Петербурге, вынуждавшая царское правительство издать законы о труде женщин и о рабочем дне, навсегда оставила в истории рабочего движения в России как один из переломных моментов.

В связи с этой забастовкой Н. Крупская была арестована и послана, но ей удалось добиться отправки в ссылку в с. Шушенское Минусинского округа, где в ссылке ее находили Владимир Ильич, С. тех пор она провела с Ильичем всю жизнь, как друг, товарищ и соратник. Она не только помогала Ленину в его работе, но и работала самостоятельно. Ее труд о женщине-работнице, написанный в ссылке, высоко оценивался Лениным.

Когда после ссылки Лениным была организована «Искра», Надежда Константиновна была назначена секретарем, и на нее фактически легла работа по собираванию и объединению разрозненных и разбросанных по всей России сил. Во времена польской работа по объединению сил была всегда сизифовым трудом. Не удалось составить объединение, как налетели полиция вновь и вновь разрушала налаженные связи. Но Надежда Константиновна в течение десятилетий по преданности этой работы, держа на учет чужды ли не каждого партийного работника, где бы он ни находился, в глубоком подполье, на воле или в ссылке.

Менялись условия борьбы. Погем революционного движения сменялись годами затиски, но Надежда Константиновна все время оставалась на посту, выдержанно и спокойно вела эту работу, передавая во все концы страны директивы и указания Ленина. Неоднократно приезжавшим в Россию Ленину и Крупской приходилось вновь удаляться в эмиграцию, но верная спутница Ленина никогда не сомневалась в завершении победой вернейшей борьбы. Особенно трудной была ее работа, когда разразилась империалистическая война и волны шовинизма захлестнули деятелей II интернационала... Надаживались связи с Россией и с другими странами с целью прорвать фронт социал-патриотизма и добиться провала империалистической войны в гражданскую было делом очень трудным. Грозя, на весь мир, прозвучал голос Ленина... Юношеская конференция и женская конференция в Берне, в которой активнейшее участие принимала Надежда Константиновна, а затем Циммервальд, Кингальд, шпроталь фронт шовинизма, и первым результатом борьбы Ильича была Февральская революция.

Как ни старались Миллюковы, Керенские и государственные деятели Антанты не пустить Ленина в Россию, он прорвал и этот фронт и вместе с Надеждой Константиновной приехал в Петроград, где был торжественно встречен обожавшими его массами.

Работа сразу захватила. Не малую роль в этой работе играла Надежда Константиновна. Всяма характерные строки ее деятельности: «Скромное серое платье и неизменно е стремление остаться в тени, войти в зад засаженный незаметно, сесть за колонну. А сама все видит, слышит, наблюдает, чтобы потом передать Владимиру Ильичу и дополнить меткими замечаниями, подыскать разумную, верную, нужную мысль».

Не выступала тогда Надежда Константиновна на многочисленных бурных митингах, где народ рвался великий спорить ли власти советом. Но работала бесшумно, как правая рука Владимира Ильича, бросая порою на партийных собраниях краткое, но весомое слово.

«От нее... — заканчивает т. Коллонтай... — исходил луч непоколебимой веры и эта стойкость души, прорывавшаяся к редкой скромностью, всегда действовала образцом на всех, кто соприкасался с соратником великого творца Октября».

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Надежда Константиновна все свои знания, все свои огромные организаторские способности она ваяла делу просвещения масс. Побойный Анатолий Васильевич Луначарский, много лет работавший вместе с Н. К. Крупской на этом поприще, в день ее шестидесятилетия отдал должную дань этой работе: «Радо принимать, что роль Н. К. Крупской в работе Наркомпроса огромна. Это бесспорно первая роль».

Основная колонна нашей просветительской системы, общее направление послевоенной школы, построена на базе педагогических мыслей Надежды Константиновны».

В течение последующих 10 лет Надежда Константиновна буквально неутомимо

продолжала работу, виткая во все детали. Немало строк посвятила она вопросу о том, как преподавать в школах литературу: «Всякий знает, — писала Надежда Константиновна, — как органически связана она (литература) с общественной жизнью. В царские времена это была наука, через которую контрабандой вривалась политика, наука, которая учила всматриваться в жизнь внимательными глазами и сознательно критически относиться к окружающему общественному укладу. Без прочного моста между изучением общественного уклада и литературой мертвет изучение общественного уклада, и из литературы выпадают живые образы людей». «Литература, — указывала дальше Надежда Константиновна, — должна изучаться во всех видах и опосредствованных, изучаться в ее развитии. Но вместе с тем она должна быть тесно связана с тем, что сейчас нужно».

Давая указания, как составлять программу для школ по литературе, Надежда Константиновна рекомендует: «При составлении программы по литературе для школ взрослых авторам этих программ надо побольше, употребляя выражение Ленина, «советоваться с Горьким».

«Надо прежде всего брать литературу на близкие, волнующие взрослого темы. На практике так и берут: читают: «Как закалялась сталь», «Цусиму», «Полноту целину», «Мать» и вот надо разобрать, показать, насколько живо, правдиво дал тот или иной художественный образ, насколько он типичен, характерен для описываемой среды» и т. д.

Она была неутомима, виткая во все, в общении с рабочими и работницами, колхозниками и колхозницами, с учителями, с детьми она проверяла себя, свои указания.

В отрыве от массы она не могла бы работать. В массы, в особенности партийные массы, не могла не преклоняться перед ней как подлинной большевичкой, верной соратницей великих вождя Ленина и Сталина.

Год прошел с момента ее смерти, но в сердцах трудящихся ее светлый образ никогда не потускнеет.

Воронежское областное книгоиздательство окончательно сверстало свой план выпуска художественной литературы в 1940 г. 244 авторских листа, 1.700.000 листов-оттисков — вот количественное выражение этого плана. Однако, если внимательно вглядеться в эти цифры, неожиданно выясняется, что на долю местной, так скажем, областной литературы пришлось не так уж много. Перепечатка классиков и столичных авторов, зачастую повторяющая московские издания, занимает в плане около 100 авторских листов, а если учесть тиражи, то почти миллион листов-оттисков, иначе говоря, значительно больше половины общего фонда, выделенного книгоиздательством на художественную литературу.

Ярлом с этим советом мысленно вылигит раздел детской литературы. Здесь намерено выпустить только три книжки. Общ. ное издание, особенно если учесть, что в этом году Воронежский обком комсомола совместно с областным отделением ЦСР проводит конкурс на лучшее произведение для детей.

Совершенно отсутствует в плане литературное наследство области. Выступив в прошлом году юбилейные сборники избранных произведений И. С. Никитина и А. В. Кольцова, издательство само собой долг перед читателями по этому разделу выполненным. Грустное заблуждение! Читательский спрос на произведения Никитина и Кольцова остается попрежнему высоким. Школьные библиотеки испытывают недостаток в их сочинениях. Школьники Воронежской области очень плохо знают своих знаменитых земляков. Почему не издать дешевые издания для детей избранные стихи Кольцова и Никитина, почему не издать в массовой серии их популярные биографии, почему не выпустить отдельные книжки более крупные произведения И. С. Никитина «Кудак» и «Дневник семинариста»?

Наконец, вполне назрела потребность в издании полных собраний сочинений И. С. Никитина и А. В. Кольцова, свободном от искажений царской цензуры. Разве это не прямая обязанность Воронежского книгоиздательства?

Непонятно, почему из года в год сомневаются на плана книги известных революционных писателей, живших и работавших в бывшей Воронежской губернии: А. И. Эртеля, Е. Д. Милюнина, Г. И. Недетовского (О. Забытого). В свое время Алексей Максимович Горький писал Милюнину (неоднократно печатавшийся в сборниках «Знание»): «Ваши рассказы я одновременно читал уже, ныне, переживая их все вместе, я, мне кажется, имею право видеть в лице валеом серьезного сотрудника и ценную силу — сильного и стойкого борца за возрождение нашей страны».

И дальше, обсуждая план сборника рассказов Милюнина, Горький заметал: «Все ваши рассказы прекрасно сливаются один с другим, и если вы ничего не имеете против — я предложил бы вам распределить их в книжке так: 1. Верека. 2. Не по закону. 3. Диспут. 4. На войну — эта вещь, как вы, вероятно, чувствуете, нуждается в серьезных поправках. Она подводит читателя к «Разгрому», которым вы и закончите книгу». Не плохо было бы, если бы Воронежское книгоиздательство воспользовалось уже составленным планом книги Милюнина, совместно с Алексеем Максимовичем, и составило бы читателя с этой интересной повестью.

Не менее полезно было бы издание избранных произведений А. И. Эртеля, хотя бы для начала, его «Записок Стенькина», где дана широкая картина послереволюционной воронежской деревни с целой галереей любопытнейших фигур, характерных для этого периода ломки старых полуархаичных отношений.

«О том, как высоко ставил Эртеля весьма требовательный в своих литературных оценках Лев Николаевич Толстой, свидетельствует его предисловие к роману Эртеля «Гарденины»: «Главное достоинство, кроме серьезности отношения к делу, кроме такого знания народного быта, какого я не знаю ни у одного писателя, кроется в любви к народу, которая он иногда хочет изобразить в темном свете, — неподражаемое, не встречаемое нигде достоинство этого романа, это удивительная по верности, красоте, разнообразию и силе народный язык. Такого языка не найдешь ни у старых, ни у новых писателей». «У какого-то писателя высчитали количество употребленных им слов, — писал дальше Толстой. — Я думаю, что у Эртеля количество это, особенно народных слов, было бы самое большое из всех русских писателей, да еще каких-нибудь, сильных, явде, кроме как в народе, не употребляемых слов».

Свидетельство весьма авторитетное, к которому не мешало бы прислушаться воронежским издателям.

Думается, что разговор о плане Воронежского книгоиздательства имеет значение не только для одной нашей области. Вопрос, на наш взгляд, — весьма принципиальный: следует ли областным издательствам тратить свои денежные средства на издание дублированных планов стилистических издательств, когда у них есть свои самостоятельные и притом весьма важные задачи и обязанности

М. СЕРГЕНКО

Успехи и провалы

Пачать следует с утверждения, что «Новая Сибирь» более выскателно, чем раньше, отнеслась к творениям своих авторов: такие вещи, как «Даурия» и «Строгов» («Дед Финка»), говорят о несомненных успехах Иркутчан. Это чрезвычайно приятно отметить, как вообще приятно отмечать всякий рост, всякое возмужание, всякое движение вперед на любом общественном поприще.

Стало быть, и разговор можно вести на более высоком уровне, не только сокрушаясь по поводу «детских» ошибок, которые в альманахе все же много, но затевая спор по поводу принципов литературной работы таких писателей и поэтов, как А. Ольхов, К. Сельх и Г. Марков.

Поэт К. Сельх впервые взялся за прозу романиста. Его «Даурия» носит в себе признаки произведения культурного и эрлего. Несмотря на бурное многословие, язык Сельх упругий, эластичный и прочный. За все время словояния по роману читатель словно качается на ресорах, его не трясет, и больше того — ублачивает. Фразы льются и льются одна за другой, как... если уж я внял в архаичность сравнений, то риску сказать, — как песни ямбика на бугайке. И одна за другой, словно «сверты полосаты», мелькают перед читателем-путником сибирские пейзажи, теневые чащи, где «беззаботно спуют и похвывают бурлуудки»; сиверы, подымающие «фиолетовым пламенем цветущего богунника», зямия, сонки, картины дореволюционной сибирской жизни, сибирские жители.

В самой композиции романа ничто не может ни раздражить, ни настроить читателя. Классовое расслоение крестьянства дано убедительно. Участники романа второпливо и внимательно выписаны. Хотянка Илья Чепалов положило начало семье крепких и хватких похитчиков, добытчиков жизненного благополучия — потомки его действуют в полном согласии со своей классовой природой. Бедняк Семен Забережный наделен изрядным запасом душевной строптивости, судьба его не скупа. Хорошо написан стайничий атаман Лелеков, дед-дедиза Никлау.

Все хорошо, все на месте. И что же? Почему, говоря чеховскими словами, ни разу не забываем за чтением, что тебе хочется курить? Роман не движется, он подобен пруду, дно которого измерено, границы которого исхожены. Вода его заперта берегами, не струится, не течет, не размывает земли, не ищет нового ложа. В знойный день к нему придешь, пожалуй, лида прохлады, но во всякий другой день потянет на простор реки, живой и текущей.

Роман лишен поисков — в этом все дело. Это очень самоуспокоенный роман, в котором достигнуто определенное умение писать и описывать, но открытый — нет. И в Романах, и в записках Сергея Ильича, и в каторжнике, ненавистные казаков, и читатель, вижу только варианты людей, о которых мне много раз рассказывала литература. Когда, в любовной сцене Роман обнимает Дауштутку, я уже заранее все знаю: и то, что Дауштутка озорно рассмеется (она и смеется так), и что они потопнут в «золотой темноте» (они и топнут), и что Дауштутка опомнится первой — так оно и случается на деле.

Как мало надо для искусства: одно «чуть-чуть», говоря словами Тургенева. Но за чуть-чуть и скрывается «тайна», делающая грамматически правильные фразы художественной прозой. Там, где писатель видит глазами других, он только пленные литературных образов, как бы ни была высока его сложенная культура.

По весам нашей литературной страны бродят бесцельные двойники персонажей, когда-то в поисках, в творческом труде рожденные писателем-новатором. Эти двойники похожи на бродяг, потерявших гордость свободной, самостоятельной жизни; они похожи на бродячих актеров времен

М. СЕРГЕНКО

Островского, шагающих по шпалам в поисках ангажемента. Играть они умеют только под «кого-нибудь», на сцене живут отраженным светом крупных светил. В пролетающем театре им дадут хорошие костюмы и реквизит, в театрах положе они и одеты положе, но дела это не меняет, ибо в их силах создать только перенный, только имитирующий спектакль.

Невольно приходит на ум это сопоставление, когда читаешь поэму Ольхова «Далеко, в стране сибирской». На этот раз А. Ольхов, поэт интересный, выступил в роли неразборчивого антрепренера. Кого только он ни выпустил на свои поэтические поместия! Вот Петр Стрижков, волчанковский солдат, привидки на сторону красных войскачу часть. Где я читал о нем? «По кою» он написан? Чей отголосок? И я не могу отделиться от впечатления, что Стрижков — только бледная, бесплотная, вялая тень сильного литературного образа. «Примету пиши, Петр Стрижков — за большевиков» — вот и вся характеристика. Или офицеры:

Почувствия, выпалили.
Вышли, крикнули.
Чьи-то шпоры под креслом брякнули...

Пил:
Хлоп! Повалился лицом на бутылки,
Жалобно звякнул разбитый стакан.
Офицера повернули затылком.
Вот он, выходит, каков — «Шарабан».

Действительно, вот он каков «Шарабан» выходит, когда поэт отказывается от своей творческой инициативы, идет на поводу бродячих образов и ситуаций. Жалостно видеть, как эти бродячие образы и ситуации разрушают культурную ткань стиха, умение строить сюжет, умение свободно менять ритмы. Бродячие образы — шлохая компания для поэта. Они спихают его до своего уровня, понуждая писать: «чавкает грязь на солдатских ногах» или залезать в карман к Северину за такими потерянными словечками, как «снеголет».

Обилье всего то обстоятельство, что за вычетом приведенных безвкусиц и небрежностей, формальный уровень поэмы — удовлетворительный. Тем не менее, наивно поражаешь А. Ольхова, и поражаешь, заранее предпрешное: имитация — худший вид литературной шпериции.

В этом же альманахе Г. Марков печатает главы романа «Строгов». Роман этот вышел отдельной книгой и жгет своего разора. Г. Марков — писатель молодой. Опубликованные главы порою литературно невыны. Куда Г. Маркову до богатого словаря К. Сельх, до его орнаментики, до его колорита! Может ли он так сочно, как это сделано в «Даурии», описать облаву на волков? Марков и с языком еще обрабатывается ошупью, словесная ткань его релка, но творческого восприятия жизни, стремления по-своему рассказать о вышнем, виденном, угаданном в его неумоломном романе больше, чем в умолом романе Сельх.

И на пути «Даурия», и на пути «Строгов» можно добиться известных результатов. Все дело в том, что путь «Даурия» давно измечен, путь же «Строгов» не имеет конца, ибо ведет в живую литературу; и вопрос лишь в том, как далеко сумеет продвинуться Г. Марков по этому пути.

Среди остального материала интересен очерк Калининки «Гроной герои» — и в части литературной, и в части познавательной. Все, что касается своеобразия края, людей, зверей, птиц, природы, сделано у автора чувственно, поговороно, есть во всем тон дух живой. В «Простых рассказах» Сартакова неблаженные замыслы сплошь да разом погублены зломумиленной красотой фразы (первый рассказ «В эти дни»). Красота эта неразборчивая, убогая, и тяготеет к ней нужно в себе подвизать. Трудная форма миниатюр требует законности, афористичности и яркой художественной выразительности. Все эти качества у Сартакова только в зародке, но уже и теперь можно отметить у него крепкую сложную хватку.

Качеств этих вовсе нет у П. Урманова. Его рассказы литературно бесцельны и просто непристойны по стремлению отлаковать действительность до ослепительного блеска. Хорошо бы остеречь автора, предупредить, что на этом бесславном и неопечетном пути еще никто — от века и до века — не удержался в литературе. Право, нельзя читать о неорудественском мальчике, поймавшем на границе неопытенства, обо всей этой неорудественской истории, описанной с великой легкостью мысли. Торопливыми и к тому же неуверенными руками тему можно только испортить. — ее можно оскорбить.

Успехи и провалы — этими словами можно характеризовать последнюю книжку «Новой Сибири». В основном, успехов больше, хотя бы и частичных, они говорят о том, что Иркутские писатели работают, засучив рукава, и в их литературной мастерской не умолкает бойкий ритм труда. Не нужно только все подвизать мастерской выносить на рынок: любить литературу — это значит ставить ее больше интереса выше своих, торлошво честолюбивых.

В Госпитиздате готовится и печати роман Э. Золя «Черво Парижа». На снимке иллюстрации Н. В. Кузьмина.

Альманах воронежских писателей

В. НАГЕЛЬ

На обложке очередной книги альманаха «Литературный Воронеж» стоят цифры — (37). Они, повидимому, должны обозначать, что всего со времени основания альманаха вышло семь книг, из которых три — в 1939 году.

Это обстоятельство немаловажное. Оно свидетельствует о прочной стабильности издания и о сравнительно частой периодичности его выхода. Писатели других краев и областей могут позавидовать столь благополучному положению своих воронежских собратьев.

Рецензируемый выпуск альманаха посвящен почти целиком памятной дате — двадцатилетию со дня освобождения Воронежа от белых банд.

Вольная половина книги составилась из очерков и воспоминаний, рисующих многочисленные факты и эпизоды, связанные с гражданской войной, с боями за Воронеж. Весь историко-публицистический отдел альманаха в общей сложности воссоздает широкую картину разгрома контрреволюции на Южном фронте, произведенного по сталинскому плану, блестяще задуманному и столь же блестяще осуществленному.

В центре художественной части альманаха, также почитаемой его основной темой, расположена повесть Виктора Петрова «Матвей Морозов». О ней, в основном, и пойдет речь.

Советская литература знает ряд больших по объему произведений, которые задуманы и более или менее удачно выполнены их авторами, как живописанные от одного человека, становящего и рост которого дано на развороте нескольких десятилетий.

Тяготеет писателя к созданию таких крупных произведений — романов и «эпик» — вполне закономерно, но при одном, однако, условии: если талант данного писателя и характер его дарования позволяют ему реализовать на художественном выполнении поставленной перед собой задачи. К сожалению, это условие осознает

ся далеко не всеми пишущими, часть которых берется за выполнение этого задания без учета своих творческих возможностей. Получается «попущение с негодными средствами».

Не избежал этой участи и воронежский писатель Виктор Петров. Беспомянутость автора прежде всего сказывается в туманности слухи с композиционной стороной повести.

Судьба героя Матвея Морозова весьма изменчива — то приключается его, то больше приближ. Автор повествует о переломах в жизни своего героя: первый перелом последовал после несчастья с его женой Ульяной, которую изнасиловали помещичий сынок и урядник. Матвей тотчас, бьет свою жену, пьет, бродяжит, копит ненависть. Затем второй перелом после встречи с таинственным странником Жожалым, который говорит маловероятно, но boldly, «мобилизую» Матвея на сопротивление жизни. Затем больше сына, приприменя с женой, душевная встряска, период оздоровления, начало налаживания жизни. Но судьба-злодейка не дремлет. Она наскакивает на Матвея новые испытания — болезнь жоны, и тут же вскоре внезапная мобилизация в связи с началом империалистической войны. Здесь повествуется о жизни его на фронте, о большевистской агитации в окопах, об организации конспиративного кружка, в состав которого попадает, конечно, и Матвей. И здесь он встречается с тем самым странником Жожалым, с которым уже однажды он сталкивался в критический период своей жизни. Жожалый, как и полагаются, оказалась старым большевиком «с большим революционным стажем», членом тайной организации. Здесь четвертый перелом в жизни героя повести. Затем происходит Февральская революция, возвращение Матвея на родину, второе рождение его как убежденного большевика.

Октябрь, организация в селе советской власти по главе, как полагается, с Матвеем, «озидание партизанского отряда под предводительством того же Матвея и т. д., трагическая гибель Матвея от предательской пули, торжественно-нежные похороны и в заключение — как мостик от живой истории к нашим дням, эпитог: вдова Матвея, ставшая уже бабушкой, приносит на могилку мужа оплеченного вилка, которого также ваяреки Матвеем в память дедгероя».

События, которые мы перечислили далеко не полностью, текут так быстро, с такой молниеносной скоростью сменяют одно другое, что автор не успевает как следует рассказать о них, а читатель не в состоянии вглядеться в них и осмыслить.

Неумудро, конечно, что при такой густой уплотненности событий автор принужден был не столько писать, сколько конспектировать, не столько изображать живых людей, сколько выдумывать их. За исключением образа девочки Гапоши, дочери Матвея, написанного хотя и эскизно, но забавливо и душевно, все остальные действующие лица — безжизненны.

Матвей поставлен на ходули, его внутренний рост не видно, ситуации его жизни настолько тривиальны, что не привлекают к себе внимания. При чтении его жизнеописания досаднее всего вспоминаешь, что все это агагато, что об этом уже читал в других выгах, у других авторов.

Ужасный, в момент своего первого явления, выглядит в повести почти совсем как Лука из пьесы Горького «На дне» — и повалка та же и интонация лавно знакомые. «Спит в тебе человек, Матвей, а ты его разбудил». И далее: «А ты не смеешь. Я не шушу. Самому-то себ хозяйном в любую минуту можно стать. А хозяйин себе — это и значит человек. Понимаешь?» Враги в повести тупы, трусливы, и ничего не удается, над ними можно толь-

ко надеяться, что и делают мужики, намекаясь над поповским сыном Анатолием и его прахотством, Сидоркой Гунным.

Язык повести тусклый и вялый. Неумеренно злоупотребляет Виктор Петров «мужскими» словечками. Имя пеэриг почти каждая страница: «везазает», «совещник», «вэжжко», «лиформаз», «энтот» и т. д.

Значительно лучше сделан небольшой цикл рассказов М. Булавина «Мамонтовщина». Это три небольших новеллы, сюжетно заостренные, написанные скупо, но с большим внутренним напряжением. Колоритны отрывки из пьесы Петра Парина, солдата, к отцу: «Дорогой папаша Егор Тимофеевич, выдв ветером из хаты на омород и глянь, куда зашло солнце. В той стороне, только луже далеко, твой сын Петро сырается и кровь проливает с немцами!» Много наблюдательности в описанных людях: черточка часто вырастает в штрих, два-три штриха — в образ.

О стихах ничего хорошего сказать нельзя. Большинство из них на уровне средней техники. Однако М. Амлетову следует посоветовать в дальнейшем не рифмовать «тяжелые» и «счапа», а также не писать, что «предсмертная тоска «сжмала тужио рука», не вставлять для соблюдения размера в стихотворную строку лишние слова: «Не этим ли глазами лишь радость надо пить?! Плохо спрашивается с рифмованием и С. Виноградов: «Степ» — «посмотреть». Надуваны образы у О. Кожуховой: «Осень спускалась к востокам» и т. д.

Небольшая работа Вячеслава Топкова «Материалы к биографии А. В. Кольцова» могла бы стать интересной, если бы автор тщательно собрал эти «материалы» и взаимосвязано прокомментировал их. Знаменитый «поэт-прасол», уроженец Воронежца, несомненно оставил не мало следов своего пребывания в городе, следов, недостаточно изученных. К сожалению, В. Топков только отвлеченно на «стату» — 130 лет со дня рождения поэта. Большинство срезаний, сообщаемых в статье, в том числе и частые цитаты из Белинского, давно известны. Все остальное особой ценностью не представляется.

Перед юбилеем К. Иванова

ЧЕБОКСАРЫ. (От наш. корр.). В июне этого года исполняется 50 лет со дня рождения основоположника чувашской литературы Константина Васильевича Иванова.

Общественность Чувашской республики готовится широко отметить эту дату.

Чувашским государственным издательством издается полное собрание сочинений Иванова. Ленинградский композитор В. Иваншин заканчивает оперу «Нарсин» по поэме Иванова.

Преподаватель Чувашского политехникума И. Сутягин пишет научно-популярный очерк об Иванове. Обстоятельно монографий об Иванове закончил поэт Я. Ухсай. Им же написана трагедия из жизни замечательного поэта. Исследование о творчестве Иванова написал С. Ялапан.

Ряд писателей и переводчиков работает над переводом произведений Иванова на другие языки. Поэт П. Хузангай перевод поэму «Нарсин» на русский язык. Им же переведены на русский язык стихи Иванова.

Повесть о природе и человеке

С некоторой пасторальностью начинаешь читать повесть Н. Емельяновой «В Уссурийской тайге». Что можно нового сказать об этой тайге, когда пейзаж ее так точно и выразительно дал Пржевальский, когда обитатели ее так поэтически открыл нам Арсениев?

Но с первых же строк автор берет вас в плен, потому что книга эта — о человеческом чувстве, о покое, советском человеке, а здесь открытия может сделать и геолог, и ботаник, и летчик, и радист, — любой человек на советской земле, кем бы он ни работал.

Геолог, — кажется молодой и не очень опытный, — едет в тайгу, чтобы составить геологическую картину заповедника, едет потому, что там у него «служба». Но в самом начале пути по обремененной дороге на обыкновенной казенной лошади он думает не служебными масштабами.

«В лесу скрипело дерево, будто открывалась и закрывалась дверь. Новый край начинался хорошо».

Преобразование края, целесообразное управление природой, чтобы во внимание были приняты не интересы отдельного человека, как это делали старожилы-переселенцы, а интересы всего народа и всей природы, чтобы человек брал в тайге и дерево, и зверя, но не «обчищал» все вокруг себя, чтобы его тайга богатыла, как и поле, — вот мечта и программа молодого ученого.

Н. Емельянова рассказывает о своих встречах со старожилками, пленными края. Какой автор, в каком очерке не встречался со стариками-переселенцами и не передавал их рассказы?

Но переселенцы Емельяновой — конкретные люди, они говорят то, что только они одни могут рассказать, это не малыши, которые нужны автору для выскazyвания его мысли. И читатель как бы становится землерождением, он едет с этими упорными людьми, которых нужно и отчаяние повека назидать в «Золотой книге» — в зеленые плодородные земли Дальнего Востока. Он путешествует вместе с их семьями, с быками, коровами и козлами, едет через поля и степи, сквозь горы и леса, едет в густую морозы и под палящим солнцем.

Рассказы о старожилках, которые пришли на новые места со старыми привычками и стали утруждать «как дома», то есть жить тайгой, истрепав лес и подрывав основы своего благополучия, нужны читателю не просто как интересные рассказы о прошлом. Они становятся тем самым словом, которого нет песни не выключишь. Отношения человека с природой, — старые и несколько запутанные отношения, — автор желает упростить и сделать более дружелюбными.

У Емельяновой чувство нового, чувство своего времени развито чрезвычайно. Новое в ней — это философия. Она пришла в заповедник, чтобы «узнать жизнь тайги, научить человека хозяйничать в ней, не истрепая, а бережя дерево, птицу и зверя». Новое в ней — это отношение к природе, к товарищам, к работе. Это книга о будничном и простом, но это книга человека, увлеченного великой мечтой.

В заповеднике человек плохо, чем хорошо. Директор — промстек и делец, егера лепивы и склонны скорее истрепать животных, чем их охранять, протрещать события большие и малые, но одинаково неприятные. Но автор притес с собой в эту, еще не устроенную, жизнь великую мечту преобразования природы, он знает, что в советской стране расстояние между мечтой и ее исполнением максимально сокращено, и это чувство открывает всю книгу. «Но случилось совсем не так, как предполагала: после собрания директор

Н. Емельянова. «В Уссурийской тайге». (Записки геолога). «Красная новь», 1939 год. № 12.

сказал мне, что ввиду недостатка средств должность геолога сокращается и даже с этого самого дня». На этом, собственно, записки геолога, как геолога, могли бы и кончиться. Но записки человека с новым отношением к труду продолжают. «Ну что же? Мне никто не мешал оставить себе некоторую роскошь и проработать хотя бы еще месяц без зарплаты».

Человека не только увольняют со службы, — потеряны его коллектив, всю работу приходится начинать сначала. Казалось бы, что может быть мрачнее. Но книга полна великого оптимизма, и это не казновый, а внутренний оптимизм, органическая бодрость человека, который любит мир и хочет его изменить.

У Емельяновой редкое сочетание познания природы и людей, редкое умение дать пейзаж и человеческий портрет. Каждый человек входит в ее жизнь со своими особенностями, и если даже он входит ненадолго, запоминается крепко. Вот Зина, которую друзья называли «Девушка с Кривого Ключа». У нее платишка жень-шеня, и ногой бы не обиделось податься влиянию Брет-Гарта и дать портрет героини «Девушки с Кривого Ключа», следы бытки, таежной охотницы за растениями, хозяйственница великого и таинственного края жизни.

Меж тем у кровати этой девушки стояли башмаки с резиновыми по бокам и красными ушками, какие носили еще наши матери. А девушка она совсем простая, ботаничка, без всякой эзотерики, и этим она пленяет. «Замечательно было, что мускулистый корень жизни вырастал не старик с белой бородой, а совсем молодая девушка. Ничего таинственного не было в ней. Крутая, аккуратная голова с прямыми светлыми волосами, наскоро прихваченными гребешком, напоминала о раннем вставании и утренней прижмуренной, еще заспанной улыбке на ярком солнце, какая бывает у детей. Хорошие серые глаза, румяные круглые щеки, крепкий и тонкий строй тела, смея по всякому поводу, — все это хорошее у девушки по-иному складывало отношение к корню жизни, который вырасталась ею».

«Записки геолога» есть вместе с тем и записки писателя. Женщина одна вечером идет в тайгу по тропинке.

«Справа от меня на сопке кричал козел, и казалось, идет рядом злопыхатель охотник с большой собакой: козел отрывисто взлаивал. От этого в тайге было уютно, как ни в одном еще лесу до того».

Здесь найдено то, что человек переживает передано это чувством словами точными, и всякий перекос повлек бы за собой слова лишние и чужие.

Быламы людям всегда советуют — пишете просто. Пишите, как говорите. Но писатели, которые пишут, как говорят, — редкая и счастливая случайность. Законы литературы и устной речи — разные. Вызванный человек, которому есть что сказать, должен преодолеть литературный стандарт, чтобы в литературе, как и в своем деле, явиться повздором.

Может быть, мы уредили лишней охотничий совет над бывальными людьми. Летчику мы говорили — пиши о своем переделе, ученому — пиши о своих открытиях. И в переделе и в открытиях есть частица нашей жизни. Но не очень ли мы ограничиваем бывальных людей? Самый прямой путь в литературе не всегда самый верный.

В летчике и шахтере, в капитане дальнего плавания и в слесаре мы должны открывать поэтов. Тогда, может быть, книги их будут не только о своем деле, но о жизни, о людях, о человеческих отношениях, тогда они получат настоящую материальность и набожность.

Повесть Н. Емельяновой написана поэтом и ученым. Поэзия и мысль, наука и жизнь, человек и природа органически соединены воображением художника.

В Одесской музыкальной школе имени профессора П. С. Столярского. На снимке: заслуженный деятель искусств УССР орденносец П. С. Столярский слушает игру отличницы Училища музыкального искусства имени П. С. Столярского. Фотограф ТАСС.

Биография М. Ахундова

В Баку в издании «Азербейган» вышла на русском языке работа азербейджанского критика Микаэля Рафиля о классике азербейджанской литературы Мирза Фатали Ахундова.

Книга М. Рафиля представляет большой интерес и для русского литературоведения, рисуя влияние, оказанное на творчество молодого Ахундова Бестужевым-Марлинским и рядом других сосланных на Кавказ декабристов в 30-х годах прошлого столетия. Общностью идейного направления молодого Ахундова с либеральными настроениями сосланных в Закавказье дворян-офицеров М. Рафиля объясняет тот факт, что первый подстрочный перевод поэмы Ахундова «На смерть Пушкина» появился в «Московском наблюдателе».

Значительное влияние на Ахундова оказал также крупнейший армянский писатель XIX столетия Хачатур Абовян, живший тогда в Тифлисе. М. Рафиля рассказывает также о сваялах Ахундова с известным русским ориенталистом, журналистом и этнографом Н. Ханьяновым, писателем В. С. Сологубом, перелавшим для сены одну из лучших комедий Ахундова «Медведь победитель и разбойник», и с поэтом Я. Полонским. Полонский активно сотрудничал на ряду с М. Ф. Ахундовым в газете «Кавказ». Это дает основание М. Рафилю предполагать, что подстрочные переводы многих азербейджанских песен и посланий, имевшихся в архиве Я. Полонского, были сделаны М. Ф. Ахундовым.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ САРАТОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

САРАТОВ. (От наш. корресп.). В Саратовском областном издательстве приняты к печати пять новых книг местных писателей: Дм. Гребенщикова — «Вторая рота», В. Земного — новая книга стихов, Мих. Юрьева — «Семья» — повесть о строителе волежских крекингов, Б. Неволова — «Бриллиантовый князь» — историческая повесть из жизни крепостных крестьян бывшей Саратовской губернии и Ал. Матвеев — «Наступление» — повесть, рисующая один из эпизодов деятельности Сергея Мироновича Кирова на астраханском фронте.

Будут издаваться также два альманаха «Литературный Саратов». Один из них уже дан в производство. В альманахе печатают свои произведения писатели Дм. Гребенщикова, В. Земной, М. Юрьев, В. Неволов, Ник. Корольков, Бор. Озерный, Из. Москвитин.

Кроме того, издательство предполагает выпустить сборник стихов местных поэтов, книгу Т. Акимовой «Фольклор Саратовской области» и книгу рассказов героико-патристичных.

Декларацию свое преклонение перед традициями классического оперного искусства, призывая в свидетели Глинуку, Му соргостого, Бородину, Чайковского, Пушкина, Чернышевского, Серова, Хубов по существу безжалостно расширяется со столь злобной охотой сердцу классики. «Дело в том, — пишет он в своей статье, — что опера в старом, т.е. базальном понимании этого жанра, была ограничена (в прошлом) определенным кругом тем. Эстетические «формы» и «парады» здесь были установлены и закреплены «условной традицией», вопреки требованиям реализма».

Статья «Советская опера и ее критика» являлась, утверждали мы, для журнала программой. И действительно, с ее основными тезисами переключается целый ряд высказываний, которые мы находим на страницах «Советской музыки». Если зам. редактора журнала Г. Хубов своими рассуждениями о синтезе и поэтической основе уводит нашу композиторскую молодежь от вопросов качества музыки, то ответственный редактор журнала М. А. Гринберг в статье «Работать над советской оперой» (№ 3) без обиняков ставит все проблемы советской оперы в отсутствие хороших либретто, а также к крупному качеству работы театров с композиторами.

Приведенные примеры (число их можно было бы значительно умножить) ясно показывают, что журнал «Советская музыка» принял на себя печальную миссию «теоретического» обоснования недостатков нашего оперного творчества и «защиты» своих ложных позиций во что бы то ни стало. До какой бесприщипности дошла в этом отношении, показывает история с оперой Хренникова «В бурю».

Перед нами два номера журнала: 10-й за 1939 год со статьей «Братья» — опера Т. Хренникова и 11-й за 1939 год

Башкирский журнал «Октябрь»

3. ШАРКИ

Перед нами одиннадцать номеров литературно-художественного журнала «Октябрь» за 1939 год. Издается он в Уфе, на башкирском языке. Внешний вид журнала не очень привлекательный. Но журнал берешь в руки с нетерпеливым ожиданием.

Увы, содержание журнала расхолаживает читателя. Журнал плохо ведется, плохо редактируется и, понижено, отражает общую слабость творческой работы в башкирском союзе писателей.

Может быть, в Башкирии вообще нет литературы? Нет литературных кадров? Такой вывод был бы абсурден. Нет, люди есть и талантливые люди. Но нехватает правильной организации, верного направления литературной работы, нет совсем критики.

Что находит читатель-башкир в своем журнале за прошлый год? Подавляющую часть напечатанного материала составляют стихи. Это не случайно. Преобладают стихи, отсутствие крупных прозаических произведений показывает, что башкирская литература еще молода. Башкирские поэты не имеют образов для подражания в прошлом. Башкирские поэты участв, с одной стороны, у народных певцов. Фольклорные образы нередко можно встретить в стихах современных башкирских поэтов.

С другой стороны, башкирские поэты стремятся подражать советским русским поэтам, например, Маяковскому, Лобелю-Кумачу. Но одно дело — творческое освоение, а другое дело — простое подражание. Вот, например, Юсуф Гареев (поэт вообще способный) слепо подражает Маяковскому. Поэт в стихотворении «Кулак» ведет беседу с Маяковским совсем в духе беседы Маяковского с Пушкиным («Юбилейное»). Даже внешне, графически Гареев постарался придать своим стихам вид стихов Маяковского. Зачем это?

Или, например, поэтесса С. Хисаева в стихотворении «Песня родины» чуть ли не буквально переводит известную песню о родине В. Лебедева-Кумача. Вот подстрочный перевод первой строфы ее стихотворения:

Эх! красота моя родина,
Много в тебе лугов и озер,
Нет другой такой страны, как моя,
Которая распева бы так

и т. д.

Перевод — это не творчество, не искусство. Казалось бы, такую азбучную истину надо бы усвоить редакции «Октябрь».

Большинство стихов, помещенных за прошлый год (а в журнале напечатаны произведения около двадцати поэтов), технически, в языковом отношении довольно нерешливы, бедны мыслью, риторичны. Вот, например, стихотворение Кипляка о герою Хасана — «Комсомолец Пожарский». Автор просто зарифмовал отрывок из газетной статьи, написанной шаблонным языком. В то же время мы уверены, что у автора значительно больше возможностей для выражения живых чувств по адресу героя, погибшего за родину. Откуда же эта холодная декламация? Или редакция думает, что стихи — это все, что в рифму?

Можно stránками привести примеры всяких стихотворных приговоров, которыми перестраиваются «Октябрь». Не будем упомянуть имена неопытных авторов, в которых редакция оказала плохую услугу, напечатав их незрелые произведения. Повторим основное:

Большинство стихов, напечатанных в журнале, беспомощны. Сказываются и идейная слабость поэтов, пытающихся разрешить современные темы о молодости, труде, родине. Стихи отвлечены и рифмоплетны. Их не спасает ни метафоричность, ни искусственная приподнятость тона.

И все же отдельные строки, проскальзывающие в этих стихах, показывают, что среди молодежи, печатающейся в журнале, есть безусловно способные и талантливые поэты, что у них есть стремление

расширить возможности башкирской поэзии. Раньше стихи писались только на татарском языке, причем поэты строго придерживались силлабического стихосложения стрессами поэтов. Попытки вывести башкирскую поэзию на путь творческого стихосложения встречались каждый раз в штыки. Тут особенно шумели, — пыле разоблаченные — враги народа.

Мы со своей стороны приветствуем попытки молодых поэтов вывести творческое стихосложение в башкирский стих.

Справедливость требует отметить и некоторые удачи отдельных поэтов. Такова поэма Юсуфа Гареева — «Поэма о Ленине». Она написана на основе северного фольклора.

Юсуф Гареев, в отличие от других поэтов, изучает фольклор, и не только башкирский, но и братских республик. Кроме того, в одном из номеров напечатан его перевод из «Давида Сасунского». Напечатаны также неплохие переводы стихов русских классиков.

Нельзя также отметить стихи Игамати, Сюндюкова и Витбаева. Жаль, что такой одаренный поэт, как М. Хай, выступил с весьма неудачной поэмой «Начало большой жизни».

Перейдем к прозе. Большие всего напечатано в журнале переводных рассказов. При всем культурном и политическом значении переводов классической русской литературы на башкирский язык, нельзя оправдать такой диспропорции, когда из 30 напечатанных рассказов только 10 принадлежат башкирским авторам. Десять рассказов за год! Из них девять коротеньких! Исключением представляет «Кавказ» Э. Чаныша, печатающийся в четырех номерах и представляющий собою путевые записки писателя.

Ни в одном из этих рассказов не затронута глубоко тема нового человека, ни в одном из них не слышно подлинного пульса новой жизни. Образ колхозника в рассказе «Колхозный сон» Саффа Кулаша дан слишком поверхностно. Черты нового бытия в деревне, намеченные в деталях, ускользают от внимания читателя, так как они художественно не раскрыты. Переживания колхозника, узнавшего, что в его доме ночевал враг, не замыслил автора, должны показать глубокий поворот в сознании человека. Но ни в тексте, ни в подтексте нет предмыслий этих переживаний, и колхозный сон воспринимается, как эпизод — и только.

Лучше сделан рассказ Э. Кырля «Потерянная девушка». Во время гражданской войны крестьянин теряет свою дочь. Когда наступают годы счастливой жизни, он решил отыскать ее. Едет в Уфу и обращается в адресный стол. Там ему дают адреса нескольких девушек с такой же фамилией и с таким же именем. Автор хорошо передал настроения колхозника, когда тот знакомится с девушкой — инженером, врачом, агрономом. Понимание открывает ему мир. Укорявшаяся предостережения о неизбежной судьбе женщины, об ограниченных перспективах ее жизни разбиваются новой правдой. В душе борется чувство большой радости за всех девушек Башкирии с горечью утраты любимой дочери. Возвращаясь домой на машине, он вдруг узнает, что шофер машины и есть его дочь.

Скопее по теме рассказ Лети, вернее, юмористический очерк А. Гумерова «Чудеса в Уфе». Колхозник приезжает в Уфу и попадает в городской кружок. Калейдоскоп впечатлений потрясает его сознание. Автору в художественной форме удалось показать, что культурные достижения стоицы Башкирии, — все для народа, все доступно приезжему колхознику.

Этими рассказами и ограничивается показ современной Башкирии. Рассказы по-

художественному уровню и взяты вместе как годового итог напечатанной в журнале башкирской прозы, посвященной современной теме, — они производят довольно скучное впечатление.

Из рассказов может быть стоит еще отметить «Тайфула-десятоый» Ю. Гареева, написанный с большим юмором, сказку «Хужа Наеретдин» того же автора.

Удачными нам представляются очерки Э. Чаныша «Кавказ». Влияние прозы Пушкина и Лермонтова благотворно сказывается на творческой манере автора. Описание кавказских гор и ущелий, воспоминания спутника о Халке-Мурате и рассказы его о Шамиле прерываются размышлениями автора о миссии писателя. Любопытно описание встречи автора с правдуком того, кто вел гроб Грибоедова. До сих пор в народе живет убеждение, что всадник в плаще и шляпе, встретивший траурную повозку и оказавший помощь в погребении бегляка, — легендарный Заур, привоивший в третей дворян и помещиков и пономарий беглякам. Так образ Пушкина в народном представлении слился с образом свободолюбивого Заура.

Особенно интересна глава, где описана прогулка по окрестностям Багдади. Автору удалось собрать новые сведения о детстве Маяковского. Перед читателем возникает образ мужественного отца поэта, образ мечтательного и волевого мальчика Володи.

Путевые заметки сделаны рукой художника. Они читаются с большим интересом. Но невольно бросается в глаза, что в то время, как Кавказу посвящаются 4 номера журнала, — в Башкирии за весь год нет ни одного очерка. Это опять-таки свидетельствует о случайном подборе материала, об отсутствии всякого плана в работе редакции.

Если по поэзии и прозе, помещенной в журнале, нельзя судить о путях развития башкирской литературы, о тенденциях ее и достижениях, то еще меньше оснований к такому суждению дает критическое статьи.

В статье З. Лукманова «Проза Л. Гафури» на протяжении печатного листа биографические данные чередуются с цитатами из «Истории партии» и пересказом содержания основных произведений Гафури. Поистине автора дала анализ повести «Черные липы» беспомощна. Основная идея повести — показать творческие силы башкирского народа, способность его к протесту против тирании ислама — критично не раскрыта. Не уместен журнал и монография о Гафури, написанная А. Кулашевым.

Ничего познавательного нельзя найти также в статье о детской литературе, напечатанной в двух номерах журнала. Это — пространная информация, в которой нет ни одной самостоятельной мысли.

Статья Харисова о романе Павленко «На Востоке» ограничивается анализом отдельных мест с точки зрения правильного перевода. Небольшую ценность представляет также статья «Башкирский народ в произведениях Пушкина». Наконец, единственная теоретическая статья Ю. Гареева «О художественном языке» — неуклюжая копия статьи Г. Тимофеева. Характерно, что все примеры варваризмов, неологизмов и прочих «измов» взяты из русской литературы. Можно себе представить после этого, какую познавательную ценность имеет такая статья для башкирского читателя. Этими статьями истощается весь критический материал, напечатанный журналом за год. Проще сказать — в «Октябре» почти нет критики. Как же может расти литература без критики?

Журнал должен стать центром творческой работы башкирского союза писателей. Но плохо бы обдумать содержание журнала на общесоюзном собрании писателей в Уфе. Нельзя далее терпеть, чтобы единственный в Башкирии журнал делался бы столь невнимательно.

На ложных позициях

«СОВЕТСКАЯ МУЗЫКА» ЗА 1939 ГОД №№ 1—11

Т. ПИМЕНОВ

«Советская музыка» — единственный всесоюзный журнал, призванный освещать и разрабатывать всю сумму теоретических и практических вопросов советского музыкального искусства.

Если отвлечься от весьма многочисленных и по большей части малоосведомительных деклараций, которыми перестраиваются редакционные статьи, и обратиться к основным, в особенности критическим материалам журнала, нетрудно убедиться в том, что важнейшие явления советского музыкального творчества освещаются в этом органе поверхностно и к тому же с недопустимыми оплошностями. Достаточно сказать, что такое выдающееся произведение, как «Поэма о Сталине» А. Хачатуряна, исполненная еще в ноябре 1938 года в концертах декады советской музыки, до сих пор не дождалась в журнале обстоятельного, развернутого критического разбора. Квартет Д. Шостаковича, также впервые исполненный во время второй декады советской музыки, получил критическую оценку только в 11-м номере «Советской музыки» за 1939 год, вышедшем в январе 1940 г. Нечто аналогичное произошло и со скрипичным концертом М. Мясковского и кантатой «Александр Невский» С. Прокофьева.

В 11 номерах журнала «Советская музыка» за 1939 год можно насчитать не более трех-четырех действительно серьезных критических работ о советском музыкальном творчестве, да еще несколько заметок в отделе «Трибуна композитора».

Центральные проблемы, волнующие композиторскую и теоретическую мысль, эти вопросы не затрагиваются журналом, или входят в нем крайне бледное отражение. За весь 1939 год «Советская музыка» не поместила ни одной обобщающей проблемной статьи о советском симфонизме — области творчества, отмеченной в принципиально важных для всей советской музыки успехах наших композиторов.

Впрочем, одна обшая проблема разрабатывалась журналом в 1939 году достаточно широко — это проблема советской оперы. Заслуживает внимания самая исто-

рия — как и почему пришел журнал к подобной разработке этой темы. В 1938 году советская музыкальная общественность и специальная пресса выступили с критикой ряда советских оперных произведений как из числашедших на сцене, так и находившихся в работе у композиторов (речь шла об операх И. Дзержвинского, О. Чипико, Т. Хренникова, А. Юрьевского и др.). «Советская музыка», которая, казалось бы, должна была провозгласить инициативу в постановке такого вопроса, не только этого не сделала, но, наоборот, встала в резкую оппозицию общественному мнению.

Естественно, что критика недостатков советской оперы, музыкальная общественность не могла пройти мимо странной липи, проводившейся журналом «Советская музыка».

Уже в № 1 за 1939 г. в статье «Советская опера и ее критика» Г. Хубов писал, что «для некоторых (увы — многих) наших критиков» оказывается несомненным вопросом о «самой сущности, об эстетических признаках советской оперы, как народной реалистической музыкальной драмы». «...критики невероятно отдают от композиторов, которые научились мыслить оперу как произведение синтетическое, как музыкальную драму».

Оставим пока в стороне «некоторые» (увы — многих) наших критиков». Мы встретимся с ними еще не раз на страницах «Советской музыки». Но на каком основании все многообразие жанров оперного искусства сводится Хубовым лишь к одной, хотя бы и очень важной, его разновидности? Разве не может быть у нас лирической или комической оперы?

Статья Г. Хубова — это не рядовая, а сугубо полемическая, программная статья. Она должна была ответить на основные вопросы, поставленные в ходе дискуссии о советской опере. Вместо этого читатель найдет в ней банальнейшие

рассуждения о музыкальной драме как синтетическом виде искусства. Г. Хубов из слова не сказал о том, что и народность и реализм в музыкальном произведении определяется не ролью, а прежде всего качеством музыки.

Декларацию свое преклонение перед традициями классического оперного искусства, призывая в свидетели Глинуку, Му соргостого, Бородину, Чайковского, Пушкина, Чернышевского, Серова, Хубов по существу безжалостно расширяется со столь злобной охотой сердцу классики. «Дело в том, — пишет он в своей статье, — что опера в старом, т.е. базальном понимании этого жанра, была ограничена (в прошлом) определенным кругом тем. Эстетические «формы» и «парады» здесь были установлены и закреплены «условной традицией», вопреки требованиям реализма».

Статья «Советская опера и ее критика» являлась, утверждали мы, для журнала программой. И действительно, с ее основными тезисами переключается целый ряд высказываний, которые мы находим на страницах «Советской музыки». Если зам. редактора журнала Г. Хубов своими рассуждениями о синтезе и поэтической основе уводит нашу композиторскую молодежь от вопросов качества музыки, то ответственный редактор журнала М. А. Гринберг в статье «Работать над советской оперой» (№ 3) без обиняков ставит все проблемы советской оперы в отсутствие хороших либретто, а также к крупному качеству работы театров с композиторами.

Приведенные примеры (число их можно было бы значительно умножить) ясно показывают, что журнал «Советская музыка» принял на себя печальную миссию «теоретического» обоснования недостатков нашего оперного творчества и «защиты» своих ложных позиций во что бы то ни стало. До какой бесприщипности дошла в этом отношении, показывает история с оперой Хренникова «В бурю».

Перед нами два номера журнала: 10-й за 1939 год со статьей «Братья» — опера Т. Хренникова и 11-й за 1939 год

со статьей «В бурю» — Т. Хренникова» и редакционным примечанием к ней («Опера Хренникова и ее критика»). Речь идет об одном и том же произведении («Опера... задуманная (композитором и либреттистом) как народно-героическая музыкальная драма, рассказывающая о борьбе с антипопскими бандами, припомнев... в поэтичной борьбе коммунизма». Композитор «ставил своей задачей воплотить народную героическую оперу». Так заявлял журнал в 1937 году. «Хренников не пошел при этом по пути народно-героической музыкальной драмы» (из редакционного примечания).

...композитор не поставил перед собой сколько-нибудь серьезной задачи в области развития в музыке идеи лирической правды, дошедшей до крестьян» (из статьи «В бурю»), — констатирует «Советская музыка» в 1939 году.

«Автор умеет найти для каждого персонажа своеобразные музыкальные краски, создать музыкально-драматический образ», — писалось в 1937 году. В 1939 году: «Однообразие в обработке важнейшего героя оперы делает образ Ленина недостаточным полноценным». «Музыкальная характеристика Фрола (за исключением монолога) малообразовательна и суха. Наряду с Фролом недостаточно убедителен и Листрат. Его партия изобилует общими местами... типичными оперными шаблонами».

«Для музыки оперы характерно широкое, поначалу почти симфоническое развитие». Это в 1937 году. «Ограничиться такими приемами в оперной музыке (речь идет об оркестровом сопровождении) — значит отказаться от богатых выразительных средств симфонического оркестра, значит чрезвычайно обеднить музыку оперы». Это в 1939 году.

«...Хренников широко использует интонационные богатства по русской песни «вообще», а песен тамбовских и орловских». «...Следует указать композитору на однообразие в использовании музыкального материала».

Надо думать, читателю уже ясно, в каких годах относятся казкие цитаты!

Два года назад «Советская музыка» попрекала молодого Хренникова его творческим прошлым. «Простота и ясность музыкального языка также несомненное достоинство оперы. Особенно важно отметить

эту простоту потому, что раньше Хренников увлекся нарочитой сложностью письма. Опера написана очень простым и законченным языком, но без всякого упрощенчества, нарочитого «примитивизма».

«Все изменилось под нашим эдиктом! «Важно, что в своей симфонии, написанной несколько лет назад, Хренников проявил незаурядную гармоническую изобретательность. Если гармоническая богатство его оперы, — заявляет журнал в 1939 году, — обусловлена стремлением к простоте музыкального языка, то против этого следует возражать со всей решительностью... Гармонический язык оперы «В бурю» в большей ее части не столько прост (это было бы очень хорошо), сколько примитивен, что приводит к известному однообразию и монотонности».

Можно было бы ограничиться указанием, что обе статьи подписаны одним и тем же автором — И. Мартыновым, а оба номера журнала — одним и тем же «ответственным» редактором М. А. Гринбергом. Но нельзя умолчать о таком обстоятельстве. Подвергнув оперу уничтожающему разбору, Мартынов и редакция журнала без краски смущения на лице объявляли произведения Хренникова... «значительнейшим событием нашей музыкальной жизни! Нельзя оправдать оперу как народную музыкальную драму, так защитим ее потому, что она не народная музыкальная драма!»

Так выглядят «принципиальность» журнала в оценке художественных явлений.

Между двумя номерами журнала лежат промежуток в два года. Если журнал и его автор за это время столь радикально переменили положительные точки зрения на отрицательные, они обязаны были об этом сказать. Статья Мартынова разбирает первоначальный (в 1937 году) и окончательный (в 1939 году) варианты оперы. Если художественные достоинства произведения и весь его идейно-художественный замысел претерпели столь роковые изменения, редакция и автор статьи, памятуя об обязанности критики помогать молодому композитору, обратят его внимание на допущенные им ошибки, должны были честно сказать об этом.

Во многих статьях журнала видна недопонимая критика. Многолетняя практика выработала убогий ассортимент обличительных эпитетов, которыми орудует против советских критиков журнал, тру-

стиво избегающий открыто называть фамилии своих оппонентов.

Но только критика, но и все советское музыкальное искусство является объектом нападок журнала. За последние годы у нас появилась целая группа талантливых молодых ученых, интересующихся плодотворно работающих в различных областях музыкальной науки. Журнал обязан был серьезно изучить их научную деятельность. Вместо этого редакция, после долгого замалчивания этой деятельности, выступила в № 3 со статьей «О музыкальной науке», в которой очертила советских музыковедов. Статья эта, вызвавшая единодушное возмущение всей музыкальной общественности, так же как и статья «Советская опера и ее критика», как бы суммируют аналогичные по своему характеру высказывания, разбросанные в целом ряде статей, появляющихся как до, так и после статьи «О музыкальной науке».

Были ли в «Советской музыке» в 1939 г. интересные статьи и ценные материалы? Безусловно. Следует отметить: по вопросам советского творчества — статья И. Рыжкова «Стилевые черты советской музыки» (№ 3) и «Заметки об опере М. К

Заккрытие курсов театральными критиками

Вчера закончили работу курсы-конференция театральными критиками. Созданные Всероссийским театральным обществом. Почти все 42 участника курсов — руководители отделов литературы и искусства областных и краевых газет РСФСР. 17 человек из них имеют законченное высшее образование.

В течение месяца театральными критиками периферии были прочитаны лекции по эстетике, проведено несколько бесед о классиках мировой драматургии и по истории театральной критики. Знакомство с культурными учреждениями столицы, курортными театрами Ленинграда, Революции, М. Горького, Пушкина, Льва Толстого, Маяковского, Бахрушинский театральный музей и Третьяковский галереи.

Участники курсов-конференции посетили постановки московских театров. Художественные руководители театров С. Михоэлс, А. Попов, И. Сулакян, И. Беренсон, С. Образцов рассказали театральным критикам периферии о творческих методах, а также о планах театров. Б. Мордвинов сделал сообщение об оперном спектакле, Е. Кузнецов — о советском цирке.

Курсанты детально ознакомились с работой МХАТ им. Горького, осмотрели мастерские, сцену и ее техническое оснащение, прослушали доклад о дисциплине и организации спектакля. После просмотра «Тартюфа» состоялась интересная беседа, проведенная М. Кедровым, о работе над спектаклем. В беседе участвовали В. Топожков, Л. Коренева, В. Бевдиян и другие артисты МХАТ.

Писатели-драматурги прочли театральным критикам свои новые произведения. В. Иванов прочел курсантам пьесу «Вдохновение», Н. Погодин — «Кремлевские курянки», Л. Леонов — «Метель», И. Сельвинский — «Брестский мир». Беседы-встречи провели также М. Светлов и А. Бруштейн. Виктор Шкловский сделал доклад о выносе рецензий. В беседах по творческим вопросам театральной критики участвовали А. Турецкий и Ю. Козловский.

Последний день работы курсов-конференции был посвящен обсуждению итогов театрального года и задачам театральной критики.

Новые работы В. Яхонтова

Ближайшей работой В. Н. Яхонтова является композиция «Времена года», которая будет выпущена в апреле к столетию со дня рождения Чайковского. В состав программы входят двенадцать фортепианных пьес П. И. Чайковского (исполнительница Е. Лойтер) и ряд лирических и любовных лирических стихотворений Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Я. Полонского, А. Майкова, Бессеня и других. Авторы композиций — Попова, Эисельман и Яхонтов.

15 апреля, в день десятилетия со дня смерти В. В. Маяковского, В. Н. Яхонтов исполнил свою новую композицию из произведений поэта. В состав программы «Мое открытие Америки» входит почти полностью вся лирика и вся проза американского поэта.

В мае состоится премьера программы «Александр Пушкин и Александр Блок», составленная из любовной лирики обоих поэтов.

На осень 1940 г. намечен выпуск двух новых программ — «Вечер рассказов Мопассана» и «Дружба Маркса и Энгельса». Композиция последней программы составлена из отрывков произведений Маркса и Энгельса и их переписки, относящихся к периоду работы Карла Маркса над «Капиталом».

В будущем году В. Н. Яхонтов приступит к работе над композицией «Двенадцать художественных хроник». В эту программу войдут большие отрывки из «Краткого курса истории ВКП(б)» и произведения дореволюционных советских русских писателей, иллюстрирующих эпохи, к которым относятся главы «Краткого курса».

В репертуарном плане В. Н. Яхонтова на будущий год — также новая программа из произведений Маяковского — «Маяковский публицист и поэт».

Режиссер всех новых программ В. Н. Яхонтова — Е. Е. Попова.

Переводы классической поэзии Туркмении

Последний декадник писателей, работающих в области художественного перевода, был посвящен классической туркменской поэзии. На вечер читались переводы Махтум-Кули, Молла Ненеса, Зеини, Сейди. Особый успех выпал на долю Махтум-Кули, крупнейшего из туркменских поэтов. Его выдающийся ученик Кемине сказал однажды так о своем учителе: «Разве Махтум-Кули нам оставил что-нибудь? Он сгорел с нами, жатву со словесного поля. На нашу долю осталось подбирать оброненные им колосья». Тем не менее плетя классических туркменских поэтов блестяще продолжила традиция Махтум-Кули.

Не только Махтум-Кули, но и много из названных поэтов до сих пор почти не был известен русскому читателю.

До 1939 г. существовали в ничтожном количестве лишь случайные и очень слабые переводы туркменских поэтов на русский язык. Это обстоятельство не способствовало трудностям перевода сложной и своеобразной формы их произведений, в то же время очень тонких и глубоких по содержанию.

По инициативе Ашхабадского института языка и литературы лучшие классики Туркмении переводятся сейчас на русский язык.

Книга стихов Махтум-Кули переведена Марком Тарловским, Молла Ненес переведен поэтессой Марией Петровых, Кемине переведен поэтом Арсением Тарловским. Ряд стихотворений Зеини и Сейди переведен Владимиром Стрельченко и Владимиром Бугаевским.

Присутствовавшие на вечеру Г. Шенгели, В. Грифонов, О. Румер, А. Миних указали на то, что М. Тарловскому удалось проникнуть в дух поэзии и передать страстность, мощь, напряженность и филигранную завуалированность поэта Туркмении. Как важное достоинство переводов Тарловского было отмечено то, что он переводит с оригинала, пользуется консультационной помощью Ашхабадского института языка и литературы и рассматривает подлинники только как дополнительные пособия.

Высокую оценку получили также переводы М. Петровых из Молла Ненеса. В переводах В. Стрельченко из Зеини, поэта-патриота, передан гражданский темперамент автора, но специфика его формы и языка выражена, по мнению присутствовавших, недостаточно четко.

Литературная газета

Творческие собрания областных комиссий

Бюро областных комиссий ССП ССОР начало практиковать обсуждения произведений писателей, живущих на периферии.

Первое обсуждение было посвящено рассказам В. Петрищева (Орел). Мнение о них было вполне единодушным. Выступавшие т. Г. Мышкова, А. Дроздов, С. Гехт, М. Фарт и А. Карпов отметили, что В. Петрищев неплохо владеет сюжетом, но, направляя все свое внимание на сюжетное построение, автор приносит ему в жертву и углубленное раскрытие этой темы, и психологическое раскрытие образов, и стиль изложения, который отличается большой сухостью. В рассказах отсутствует серьезный драматический конфликт. В них лишь названы, но никак не раскрыты порождения. У В. Петрищева есть стремление к интересной выдумке, но эта выдумка почти искусственна. Некоторые рассказы носят чисто иллюстративный характер: за недолгой автором ситуацией не видно людей, их переживаний.

Из рассказов В. Петрищева лучше других был оценен рассказ «Мастер», напечатанный в орловском «Литературном альманахе», о котором также шла речь на этом собрании. По мнению выступавших М. Фарт и А. Карпов, альманах этот, за исключением двух-трех рассказов, крайне сер и бесцветен. В незначительных произведениях не чувствуется ни новых мыслей, ни свежих творческих приемов, ни своеобразия стиля; только подходы к оценке художественных произведений с пониженным критерием, можно вычислить такой альманах.

Писатель Н. Залозский (Воронеж) — автор пьесы «Кондрат Булавин», положительно оцененной критикой, написал историческую хроникю «Мазепа». Первоначально на эту тему была задумана пьеса. Но по мере изучения материала, ознакомления с биографиями людей, окружающих Мазепу, с новыми архивными документами у автора возникла потребность написать очерк об этой эпохе, который под давлением материала и разросся до большой исторической хроники. Обсуждению хроники было посвящено второе творческое заседание бюро областных комиссий ССП ССОР.

Удалось ли Н. Залозскому его новое произведение?

По общему мнению выступавших, нет. Удалось ли Н. Залозскому его новое произведение?

Но в то время как А. Карпов и С. Шенгели, что хроника читается с большим интересом и несмотря на серьезные недостатки, имеет известную историческую и художественную ценность, В. Фикс, М. Левидов, М. Фарт, Ю. Северук и

Л. Шапиро утверждали, что хотя отдельные страницы написаны удачно, произведение в целом должно быть в корне переработано.

Читателю безразлично, — говорил В. Фикс, — какой подзаголовок стоит на художественном произведении — повесть, рассказ или хроника. И автор вправе нарушать каноны жанра, но он обязан подчиниться основным законам литературного произведения. А законы эти в том, чтобы не было в нем лишнего, чтобы язык был четок, ясен и грамотен, чтобы читателю не сообщали того, что он знает без автора. Не только историческая, но и газетная хроника не имеет права на существование, если она не отвечает этим требованиям. И хотя в произведении Н. Залозского есть интересные, малоизвестные исторические документы и удачные беллетристические вставки, оно должно быть написано заново, изменено в самой своей композиции, должно быть пересмотрено отношение автора к героям и найдена своя композиция.

Резко критикует хронку с точки зрения стиля Н. Кочиян. В художественном произведении, историческом или беллетристическом, — говорит он, — правда жизни должна быть раскрыта в художественном образе. Этого не сумел сделать Н. Залозский. Обилие событий, которые так и мелькают перед глазами и утомляют читателя, отгораживают произведение. Надо было отобрать те из них, которые связаны с судьбой героев. Исторический быт показан неумело. Язык плох, порой неграмотен. Выразительные средства автора крайне бедны. Батальные сцены олеографичны.

Главная ошибка в произведении Н. Залозского, — говорит М. Левидов, — в том, что автор не показал своего отношения к герою, к Мазепе. Он не раскрыл ни его исторической роли, ни его психологического образа. Кульминационный момент хроники — створ Мазепы со старшинами — не подготовлен, психологически не оправдан Залозским. Но М. Левидов правится в описании Залозского нежданной и новый образ Кочубея — маленького, ничтожного человека. Есть страницы, — продолжает М. Левидов, — например, смерть Мазепы, которые написаны ярко и свидетельствуют о больших литературных возможностях писателя. Этого и заставляет требовать от него, чтобы он переработал свою вещь и добился художественной unity.

Строгая, всесторонняя товарищеская критика, несомненно, принесла пользу Н. Залозскому. Автор решил переработать свое произведение, прежде чем сдавать его в печать.

Е. П.

Новосибирское издательство в 1940 г.

НОВОСИБИРСКОЕ (От наш. корр.). Новосибирское издательство является одним из самых крупных в Сибири. В 1940 г. по отряду художественной литературы этим издательством будет выпущена 31 книга. Из художественной прозы будут изданы: В. Викланцев «Пласты» — повесть о Кузбассе, А. Мисурев — «След белуги Соколы», рассказы о крестьянском труде на алтайских горных заводах начала XVIII века, А. Коптелов — «На-гора», роман о Кузбассе, Н. Кудрявцев — повесть «Красноармейцы», Г. Павлов — «Пламенный друг», книга оборонных рассказов, Величко — «Северные очерки», Н. Шенгели — «Родная земля», сборник колхозных пьес, А. Герман — «Возвращение», повесть из жизни советской интеллигенции.

Освобождению Сибири от колчаковщины посвящен сборник исторических очерков о партизанской армии Е. М. Мамонтова — «Степь в огне».

Из литературного наследия издается одноименный П. Ершова и первый и второй томы собрания сочинений Н. Наумова. Новым изданием выпущена роман А. Коптелова — «Белое копыто» о колхозном строительстве на Алтае.

По литературоведению издается книга очерков С. Коженикова — «Сибирь в художественных образах».

Музыкальные комедии о Дальнем Востоке

ХАБАРОВСК (От наш. корр.). Заслуженный деятель искусств Г. Кобец (автор сценария кинофильма «Искатели счастья») и поэт С. Битовый закончили работу над текстом двух музыкальных комедий на дальневосточные темы — «Счастливые берега» и «Биракколь».

Действие «Счастливого берега» развернуто в европейском пограничном колхозе, находящемся на берегу Амура. Тема пьесы — советский патриотизм, нерушимое единство народа с Красной Армией. «Биракколь» построена на найском

материале. Сюжет ее, вкратце, таков: Геологическая экспедиция отправляется в поиски нефти в сопредельные нанайцев-проводники. Врач экспедиции, проникший в стойбище нанайцев во время эпидемии черной оспы под маской шамана, делает противоземные прививки и избавляет население от страшной болезни.

Музыку к «Счастливому берегу» пишет И. Ильин, к «Биракколь» — Ю. Слонов. Обе пьесы приняты к постановке Хабаровским театром музыкальной комедии.

Первое стихотворение В. П. Бельков написал в 1903 году. Тема его — народное бедствие в связи с неурожаем.

С большим трудом Белькову удалось печататься в дореволюционных газетах и журналах несколько десятков стихотворений.

Сейчас патристические стихи колхозника В. Белькова о счастливой колхозной жизни печатаются в «Сибирских огнях», в районной и краевой газетах.

Ближайшие литературные декадники посвящаются разбору пьес молодого драматурга Г. Раппопорта о героическом герою на Алтае, руководителе красногвардейского отряда Петра Суховей, и повесть учительницы средней школы районного села Крайнево А. Киселевой «Алтайские робинзоны». Повесть вышла в свет в Новосибирском областном издательстве.

ХРОНИКА

Поэт Константин Симонов закончил пьесу «Обыкновенная история».

Герои пьесы — наши современники, советские интеллигенты. Действие происходит в наши дни в Москве. Бережное отношение к людям, чистота чувств, высокая дружба, любовь, — то новое, что отличает нашу жизнь сегодня, — вот о чем говорится в пьесе.

Пьеса принята к постановке Театром Ленинского комсомола.

Президиум ССП Дагестана принял в состав писателей кумыкских писателей — ашуга Али-Казию, сказителя Акабаева Азу и молодого поэта Абдул-Вагаба Сулейманова, а также молодого татарского прозаика и фольклориста Хизматилла Ашматулова.

Искусство сразу вышло из моды. А в обществе слобод оно живет только модой. «Пшето до покушат картин», — жалуются одни публицисты. «Музеи и выставки нет. Торговцы картинками не покупают «товара», они тоже поспешили эвакуироваться. Рисовальщики, работавшие по заказам промышленных, торговых, рекламных фирм, потеряли заказы. Художники голодают».

«Оптимисты» полагают, что когда наступит мир и торговцы оружием, разберут на войне и получат важные титулы, пожелают укрепить свои заслуженные почеты, некоторые художники смогут снова получить работу. Но даже оптимисты добавляют: если к тому времени в Англии останутся художники».

В первые дни панники закрылись сотни театров, кинозалов, кафе, баров, востра, концертных площадок. Затем несколько театров и кино вновь открылось. Но основная масса работников театров и кино осталась без работы. А те, кому они обязаны этой милостью, отнеслись совершенно безучастно к их дальнейшей судьбе.

Провинциальные любители театральные кружки пытаются приспособиться к новым условиям. Английский министр просвещения обратился к ним с призывом к «сотрудничеству» с властями. У английских властей два фронта: внешний, довольно спокойный, и внутренний, весьма опасный. И вот министр просвещения полагает, что любительские кружки могут «играть большую роль в укреплении внутреннего фронта». Они могут развлекать людей, которых приводят в раздражение и негодование политика власти.

Театральные кружки рады развлекать лишь бы им дали возможность работать. Но министр, призывающий театральные любители оказывать помощь властям, отнюдь не предполагает приывать власти к оказанию помощи театрам. Английский чиновник не привык оказывать содей-

В апреле 1940 г. исполняется 175 лет со дня смерти великого русского ученого М. В. Ломоносова. Ленинградский фарфоровый завод, носивший имя первого русского академика, деятельно готовится к юбилею. На снимке: ваза работы художницы Т. Н. Беззубовой-Михалевой, изготовленная заводом. Фотохлеще ТАСС.

Литературные декадники в Барнауле

БАРНАУЛ (От наш. корр.). Создано по инициативе редакции газеты «Алтайская правда» литературное объединение развнуло активную работу.

За последние два месяца объединение подготовило три литературные страницы. Совместно с артистами краевого драматического театра проведен литературно-художественный вечер на котором местные поэты и прозаики читали свои стихи и рассказы.

Большой популярностью пользуются в городе литературные декадники. С огромным успехом прошел недавно творческий вечер поэта-самоучки, 63-летнего колхозника сельхозартели «Новая жизнь», Мамонтовского района, Василия Петровича Белькова.

Первое стихотворение В. П. Бельков написал в 1903 году. Тема его — народное бедствие в связи с неурожаем.

С большим трудом Белькову удалось печататься в дореволюционных газетах и журналах несколько десятков стихотворений.

Сейчас патристические стихи колхозника В. Белькова о счастливой колхозной жизни печатаются в «Сибирских огнях», в районной и краевой газетах.

Ближайшие литературные декадники посвящаются разбору пьес молодого драматурга Г. Раппопорта о героическом герою на Алтае, руководителе красногвардейского отряда Петра Суховей, и повесть учительницы средней школы районного села Крайнево А. Киселевой «Алтайские робинзоны». Повесть вышла в свет в Новосибирском областном издательстве.

ИЗВЕЩЕНИЯ

28 февраля, в 7 час. 30 м. вечера, в клубе пошла прелестная оаза советских писателей состоит общее собрание драматургов Москвы.

На повестке дня — сообщение А. Н. Толстого о работе комиссии по драматургии театра и кино, отчет бюро московской секции драматургов и выборы бюро московской секции драматургов при клубе писателей.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА

ПОЭТА-ОРДЕННОСЛА АБУЛЬГАСЕМА ЛАХУТИ НА ФАРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ ИЗ КНИГИ В ПЕРЕПЛЕТЕ ЗА РУБ. В сборник вошли стихи, отражающие революционную борьбу Ирана, пост и расцвет Талкинского, колхозное движение. Стихи на исторические темы, лирические стихи.

ТРЕУГЛУТЫЕ эту книгу в книжных магазинах КОПИЯ. Выссылку наложенным платежом, без задатка, производит ГЛАВНАЯ КОНТОРА КОПИЯ «ЛИТИЗКОПИТА», МОСКВА, Неглинная, № 39.

К СВЕДЕНИЮ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ

КУРСА НА ЛУЧШУЮ ПЬЕСУ

В республиканские Оргкомитеты Всесоюзного конкурса на лучшую пьесу поступают одноактные и двухактные пьесы.

Оргкомитет Всесоюзного конкурса на лучшую пьесу

ДОВОДИТ ДО СВЕДЕНИЯ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА, ЧТО ОДНОАКТНЫЕ И ДВУХАКТНЫЕ ПЬЕСЫ НА КОНКУРС ПРИНИМАТЬСЯ НЕ БУДУТ.

Оргкомитет Всесоюзного конкурса на лучшую пьесу.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Кузнецкий мост, 18. Тел. К-442-30

ПОКУПАЕТ СОЧИНЕНИЯ ЛЕНИНА — СТАЛИНА, ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ В СТАРЫХ И НОВЫХ ИЗДАНИЯХ — ВСЕХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ИНОСТРАННУЮ И ПЕРЕВОДНУЮ ИНОСТРАННУЮ, А ТАКЖЕ ИНОГОРОДНЫЕ БИБЛИОТЕКИ.

Для осмотра домашних библиотек высылаются товарные

М. ГРОУ

Подготовка к юбилеям Низами и Навои в Грузии

При союзе советских писателей Грузии созданы юбилейные комитеты по подготовке к празднованию юбилеев Низами и Навои.

В составе комитета по празднованию юбилея Низами вошли: Симон Чиковани (председатель), И. Абашидзе, И. Гришашивили, В. Галрашадвили, К. Лорткишанидзе, Р. Гветалдзе, Г. Киколадзе, Т. Ингоркова и А. Абашиели.

Сейчас подготавливается перевод на грузинский язык «Лейли и Меджнун» и других произведений Низами. Над переводами работает большая группа поэтов, в частности Ило Мосавили, С. Чиковани, И. Абашидзе, К. Каладзе, И. Гришашивили. Искусствовед П. Ингоркова подготавливает работу о Низами. Над литературным наследием великого азербайджанского поэта работает также проф. К. Кекилидзе, К. Бидеви и другие. Составляется большая библиография произведений поэта, переведенных на грузинский язык.

Интересно отметить, что в Грузии Низами начали переводить еще в XVII столетии. Так, например, существуют переводы того времени «Семи красавиц», отрывков из «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун».

Первым переводчиком Низами и инициатором последующих переводов был казетинский царь и крупный грузинский поэт Теймураз I-в, умерший в 1663 году вдали от родины.

В состав комитета по празднованию юбилея Навои вошли: Шавла Дадани (председатель), Г. Леонидзе, И. Мосавили, А. Машавили, К. Чичинадзе, С. Шаншавили.

В Тбилиси уже получены подлинники произведений Навои, над которыми начал работать писатели и поэты.

«ДЖАНГАР» НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Для предварительного ознакомления читателей с великим эпосом казахского народа «Джангар», издательство «Искусство» выпустило отдельную книжку отрывки из этой эпопеи. В эту книгу вошли две песни — «Песня о поражении свиреного хана шамухов Шары Горгю» и «Песня о походе против злого хана Хара Кинаса». Эти песни — самые значительные из всего цикла «Джангар» и пользуются особенной любовью казахского народа.

Перевод отрывков, как и полный стихотворный перевод всего эпоса, выпускаемый издательством к дням юбилея, осуществил поэт С. Липшицкий. Книга иллюстрирована художником В. Фаворским.

Жертва войны

«Первой жертвой этой войны было искусство», — пишет лондонская газета «Рейнолдс пьес».

Увы, для западного искусства жертвенность отнюдь не новое состояние. Оно было жертвой мирового экономического кризиса, как неизменно бывало жертвой всякого кризиса буржуазного общества и не могло не оказаться в числе первых жертв войны.

Великие «стратегии войны будущего» много лет расточивались англичанам, чего им жалко от ближайшей войны. Из романов Уэллса они достоверно знали, что после нескольких недель войны обязательно погибнет цивилизация, что после шести месяцев Англия превратится в каламашу, а немощнейшее угнетенное население одичает и будет бродить по стране в поисках пищи и крова. В зависимости от настроения янсенинцев человечество либо навсегда кочало на этом свою карьеру, либо же возрождалось, как финик из кугла, чтобы снова процветать тот же кугла.

Мог ли английский обыватель после такого «психологической обработки» думать об искусстве, когда разразилась наконец «война будущего»?

Мелкие наски, как называют в Англии консерваторов, и мелкие лбы, как называют генералов, едва ли высоко ценили предсказания романистов, но в составленных ими планах «мероприятий на случай войны» разгром искусства предусматривался как самая первоочередная задача.

«Нашим первым импульсом, вызванным страхом бомбардировки, было изгнание искусства», — пишет далее «Рейнолдс пьес». В самом деле, в первый же день войны, вернее, в день объявления войны, заботливые английские власти закрыли

театры, школы, кино, музеи, библиотеки. Культура была вычеркнута из жизни восьмимиллионного города. Невозмутные британские министры провели истерическую эвакуацию, которая не стала менее бессмысленной от того, что «пшаны» были «заранее разработаны». Когда эвакуация закончилась, оказалось, что по существу ничего не разработано и кроме воздуха ничего не получилось. Почтенные министры, которые приготовились воевать три года и хвастали способностью выдержать любой срок в «войне нервов», не сумели даже отличить воображаемой опасности от реальной, уэльсовских фатальзи — от расчетов генеральных штабов. Спустя шесть месяцев после эвакуации Лондон все еще не видел ни одного неприятельского самолета. А сегодня «сам» Герберт Уэллс настолько «исполнился надежд», что, как сообщили газеты, призвал к «беспощадной» бомбардировке Берлина.

Но прежде чем англичане понесли первые потери на суше, на море или в воздухе, десятки тысяч работников искусств и культуры, актеры, музыканты, художники, учителя были выброшены на улицу...

«Не видя гибели цивилизации, обязательство потребовало возвращения эвакуированных жен и детей. Хот и с крайней неохотой, власти вернули жен и детей. Но отказались возвращать картины и прочие сокровища национальных галлерей и Британского музея. Это — казенное добро, записанное в казенные реестры. Его запылали в дымки, эвакуировали на склады, расположенные в глухие страны», и там оно будет лежать до конца войны или до гибели цивилизации, в зависимости от того, что наступит раньше.